

Юлия Арниева

САХАРНАЯ ИМПЕРИЯ

Цена перемен

Юлия Арниева
Сахарная империя.
Цена перемен
Серия «Сахарная империя», книга 4

*<https://litres.ru/74016253>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Английский свет готов простить женщине скандал, но он никогда не простит ей силу. Сделка с графом Хавершемом, обернувшаяся самой неожиданной и циничной помолвкой сезона, дает мне надежную защиту и землю под новые фабрики.

Однако вест-индское лобби и лондонские магнаты не отдадут свои колоссальные прибыли без боя. Против моего нового производства выставлены неограниченные деньги, влияние в министерствах и наемные убийцы, готовые на всё ради сохранения старого порядка.

Вот только они не знают одну простую вещь. Я пришла из будущего и прекрасно знаю, как рушатся монополии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юлия Арниева

Сахарная империя.

Цена перемен

Глава 1

Из малой гостиной мы вышли почти одновременно. Специально подстраиваться под шаг графа я не стремилась, но Хавершем поднялся, опираясь на набалдашник трости, ровно через пару секунд после меня. На пороге мы поравнялись и дальше пошли по коридору, шагая почти в ногу.

По длинной галерее первого этажа мы двигались молча. Глухой стук деревянной трости Хавершема мерно отдавался от дубовых панелей стен, скрадывая шорох моих юбок. Этот старик не задавал вопросов, не пытался нарушить тишину светской болтовней, и за одну эту сдержанность я была ему благодарна.

Лорд Ярмут появился в широком арочном проёме совершенно неожиданно. В его пальцах покачивался бокал с недопитым рейнвейном. Рядом с ним застыл лорд Хэмфриз. Как хозяин дома, он сохранял непроницаемое лицо, словно его давно перестали удивлять эксцентричные выходки гостей, но при виде нашей пары его брови едва заметно дрогнули.

Ярмут подобной деликатностью не отличался. Его цепкий взгляд скользнул по складкам моего платья, перекинулся на невозмутимого Хавершема, затем снова вернулся ко мне и замер. В этом секундном движении глаз угадывалось всё: мгновенная вспышка подозрительности, попытка угадать, что связывает столь странную пару, и глухое раздражение, которое всегда делает умного противника вдвойне опасным.

Хавершем прошептал мимо него, даже не повернув головы, его ледяное высокомерие наглядно показывало, как старая и очень знатная аристократия игнорирует присутствие тех, кого считает ниже себя по рождению. Я же одарила Ярмута и Хэмфриза улыбкой — ровно той температуры, какая предписывалась этикетом для утреннего приветствия, — и направилась к лестнице.

Но не успела моя нога коснуться нижней ступени, как из-за мраморной колонны стремительно выдвинулся мистер Элсворт. Его круглое лицо сияло суетливым оживлением, обычным для провинциальных джентльменов, готовых сглаживать любые неловкие паузы.

— Граф! — Элсворт беспардонно перехватил старика за локоть, увлекая к окну. — Буквально два слова насчет судьбы нового канального законопроекта...

Хавершем остановился, медленно перевел взгляд на пальцы Элсворта, лежащие на его сукне, и тот отдернул руку так, словно обжегся.

— Мой дорогой Элсворт, — насмешливо произнес граф, и его голос разнесся по холлу. — Судьба каналов в это время года волнует исключительно уток. Оставьте ваши чертежи для заседаний Комитета, а мне позвольте откланяться, здешняя атмосфера пагубно влияет на мои старые суставы. Слишком уж душно стало в Холтон-парке со вчерашнего вечера.

Оставив оскорбленного в лучших чувствах Элсворта стоять у подоконника, старик повернулся к парадной лестнице. Я сделала несколько шагов вслед за ним, и в этот момент из глубины анфилады вышла хозяйка дома, окруженная лакеями.

— Погода сегодня на удивление сухая, господа, — звенел непреклонный голос леди Хэмфриз, не оставлявший присутствующим выбора. — Пряный эль уже ждет во дворе. Полагаю, всем нам пойдет на пользу немного свежего воздуха перед обедом.

Она действовала единственно верным способом. Несчастный случай на охоте — он и есть несчастный случай, господа. Сырость, туман, оступившийся конь. Бывает. Жизнь продолжается, и лучшее, что можно сделать с оцепенением — это вынести его на ноябрьский холод и развеять движением. Гости в холле зашевелились, потянувшись к вешалкам за пальто и плащами.

Пользуясь поднявшейся суетой, Хавершем чуть наклонился ко мне через резные дубовые перила.

— Полагаю, сегодня за обедом общество узнает о нашей помолвке, — едва слышно проговорил он, сжав пальцами набалдашник. — Любопытно будет посмотреть, у кого из этих столичных чистоплюев первым случится несварение от хороших новостей.

Мне стоило большого труда сдержать улыбку. Не меняя равнодушного выражения лица, я лишь едва заметно наклонила голову в знак согласия.

Старик удовлетворенно качнул подбородком: иди, мол, девочка, отдыхай. Он медленно пошел вверх по парадным ступеням, а я развернулась и направилась в обход холла, к малой лестнице в конце галереи. Оттуда было гораздо ближе до моих комнат, и меньше риска столкнуться с Дауманом.

Быстро миновав первый этаж, поднялась по нешироким ступеням и оказалась в коридоре западного крыла. Здесь не было парадного блеска, шаги тонули в ковровой дорожке, а из окон открывался вид на задний двор. Дойдя до конца перехода, я свернула к своим покоям.

Джейн открыла дверь спальни прежде, чем я успела протянуть руку к латунной ручке.

— Всё в порядке, миледи, — выдохнула она едва слышным, заговорщицким шепотом, делая шаг назад. — Ни одного звука за стеной. Почти сразу после вашего ухода лакей мистера Даумана заходил в его покои. Вышел злой, бормотал, что хозяин вчера так нализался портвейна, что даже до кровати не дополз. Будить его не стал, только сапоги с него

сташил.

— Хорошо, — ответила я.

— Вам нужно что-нибудь особенное, миледи? — Джейн уже семенила к гардеробу. — Я слышала, леди Хэмфриз собирает всех во дворе на прогулку.

— Да. Подай редингот и теплые перчатки.

Джейн помогла мне накинуть подбитое мехом сукно. Я застегнула пуговицы и поспешила вниз.

Когда я спустилась на широкое каменное крыльцо, внутренний двор Холтон-парка уже заполнялся гостями. Пахло горьким торфяным дымом, прелой листвой и — из-под дощатого навеса у каретного сарая — густым, сладким ароматом подогретого вина с корицей и гвоздикой. Двое лакеев в ливреях черпали вино из большого медного котла, над которым поднимался густой пар. Третий слуга с явным трудом закреплял на брусчатке старинный деревянный кронштейн с натянутой веревочной сетью. Мелкие серебряные монеты уже лежали аккуратными столбиками вдоль каменного парапета.

Старинный куриный турнир.

В ноябре загородная Англия не баловала разнообразием развлечений, и хозяйка дома сделала ставку на проверенную забаву. Разумеется, живую птицу заменяла круглая деревянная мишень, в которую нужно было попадать тяжелыми кожаными шарами или бросать кольца на веревках. Эта старомодная, шумная игра отлично подходила, чтобы разрядить

вчерашний кошмар, а азарт исключал любые неудобные расспросы.

Спускаясь по каменным ступеням, я заметила Дика, он стоял у дальней стены конюшни, возле коновязи. Рядом с ним замер Норт. Оба моих охранника выглядели мрачнее грозовой тучи. Для людей чья профессия молчать и не выдавать себя ни единым движением, это был скверный знак.

Я плавно изменила направление и пошла через двор, делая вид, будто меня заинтересовала старая каретная телега в углу. Они заметили моё приближение, но не сделали ни шагу навстречу, продолжая стоять в тени навеса. Стало ясно: новости паршивые, и свидетели нашей беседе не нужны.

— Дик.

— Миледи, — он сделал полшага вперед, разворачиваясь плечом так, чтобы его массивная фигура полностью закрыла меня от остального двора. — Вчера вечером я остался в конюшне с местным старшим грумом.

Я ждала, глядя на потемневшие от сырости доски навеса.

— Лошадь, с которой лорд Грэхем свалился её осматривали, — едва слышно продолжил Дик. — Под самым крылом седла, там, где подкладка прилегает к живой коже, нашли шип. Маленький, с хвойную иглу. Из тонкого железа. При обычном осмотре не заметишь, если специально пальцами под попону не полезешь. При ходьбе он не мешал, но стоило всаднику плотно сесть в седло и пустить коня галопом

— Хозяин велел конюхам держать язык за зубами, — тихо

добавил Норт, не поворачивая головы и контролируя галерею первого этажа. — Но парень этот, признал во мне земляка и выболтал по секрету.

— Лошадь была не Грэхема, — закончил Дик. — Его собственный гнедой захромал накануне вечером. Ему вывели сменную из хэмфризовских денников. Ту, которую приготовили для вас, миледи. Каурую.

Всё внутри на секунду сжалось в тугой узел. Шип предназначался мне? Меня хотели убить? Или только припугнуть, заставив искать защиты у тех, кто сильнее? А может, графиня Уэстморленд рассчитывала на «удачное» падение, которое не лишило бы меня жизни, но сделало бы калекой, обеспечив Дауману идеальные обстоятельства стать моей добровольной и очень заботливой сиделкой, получив взамен сломленную женщину и доступ к её капиталу без лишнего шума?

От количества хлынувших мыслей в висках неприятно закололо, и я заставила себя сделать глубокий вдох, загоняя подступающую головную боль обратно.

— Хорошо. Спасибо, Дик, — мой голос прозвучал на удивление ровно. — Будьте осторожны и оружие держите при себе.

Я повернулась и пошла обратно через брусчатый двор к играющим гостям. Привычная светская маска легла на лицо сама собой — стоило леди Мортон обернуться в мою сторону, как мои губы сошлись в вежливой улыбке. Никто из тех, кто здесь находился: ни Ярмут, ни графиня Уэстморленд и

прочие, — не должен был догадаться, что я только что узнала истинную цель этого «несчастливого случая».

Турнир тем временем развернулся со всей подробной, граничащей с абсурдом серьезностью, с какой английские джентльмены берутся за любые глупые игры. Полковник Черч первым взвесил на ладони кожаный шар и, свирепо насупив седые брови, запустил его в деревянную мишень шагах в двадцати. Снаряд пролетел мимо, с глухим стуком отскочив от каменной кладки. Черч тут же объявил, что прицел намеренно испорчен, а правила придумывал сумасшедший. Братья Честер переглянулись, синхронно пригубили вино и подошли к черте. С молчаливой методичностью они оба уложили свои снаряды точно в кольцо, что произвело на дам куда большее впечатление, чем вся брань полковника.

Леди Джерси, кутаясь в соболью муфту, отошла чуть в сторону с бокалом вина и наблюдала за мужчинами — так опытный букмекер оценивает шансы лошадей перед финальным заездом. Мисс Прескотт неожиданно оказалась на удивление меткой; ее бросок пришелся точно в цель, отчего барышня тут же залилась румянцем под строгим взглядом своей тетушки.

— Какая досада, что мистер Дауман пропускает это зрелище, — леди Джерси лениво повернула голову к стоявшему рядом Элсворту. — Я была уверена, что он попытается превзойти полковника. Его слуга утром уверял, будто у хозяина мигрень, но право слово, в его возрасте ссылаться на

головную боль после трех бокалов портвейна — это почти неприлично.

— О, полагаю, причина куда прозаичнее, дорогая леди Джерси, — подхватила Эстер, стоявшая чуть ближе к крыльцу. Она намеренно повернулась в мою сторону, ловя взгляды шепчущихся дам. — Наш мистер Дауман просто потерял всякий стимул к победе. Зачем джентльмену утруждать себя прыжками на холодном воздухе, если та, ради чьего взгляда он так старался в последние дни, демонстрирует ледяное равнодушие?

Несколько стоявших рядом дам согласно прикрыли рты муфтами. Я даже не повернула головы, продолжая разглядывать двор, хотя внутри шевельнулось ехидное удовлетворение, только я знала истинную причину его внезапного отсутствия.

Лорд Гренвиль, до этого стоявший поодаль у каменного выступа, медленно пошел вдоль галереи, лениво попыхивая своей глиняной трубкой. Он двигался так неторопливо, словно просто искал место, где вирджинский табак не будет мешать дамам, но остановился в двух шагах от меня.

— Вы не находите, миледи, что здешние забавы слишком прямолинейны? — негромко произнес Гренвиль, не поворачивая головы, но чуть сместившись так, чтобы закрыть меня от ветра. — Никакой интриги. Каждый целится в одну и ту же утку.

— Возможно, джентльменов привлекает именно предска-

зуюемость результата, милорд, — отозвалась я, глядя на Черча. — В наше время — это редкая роскошь.

Гренвиль мягко усмехнулся, выпустив колечко дыма.

— Предсказуемость скучна. Куда интереснее наблюдать за той редкой птицей, которая меняет траекторию полета в самый последний миг. И улетает невредимой, оставляя охотников ни с чем.

— Для этого птице нужно иметь очень хорошее зрение.

— О, я уверен, что у некоторых прекрасных птиц зрение острее, чем у королевских соколов, — он, наконец, повернулся ко мне, и в его глазах блеснул едва уловимый интерес. — Главное — не забывать смотреть вверх, леди Сандерс. Ветер на высоте бывает обманчив.

— Лорд Гренвиль! — раздался совсем рядом звонкий, намеренно оживленный голос Эстер.

Она отделилась от группы дам у крыльца и подошла так стремительно, словно давно караулила этот момент. Её лицо лучилось притворной беззаботностью, но взгляд, скользнувший по мне, был острым как бритва.

— Мистер Элсворт утверждает, будто вы обещали показать ему те новые чертежи паровых машин, что вам привезли из Манчестера, — Эстер быстро сократила дистанцию и коснулась пальцами сукна на рукаве Гренвиля. — Он ищет вас по всему двору. Идёмте же, без вашего мнения они там окончательно переругаются.

Гренвиль едва заметно нахмурился, но приличия требо-

вали подчиниться. Он вынул изо рта трубку, коротко поклонился мне и позволил Эстер увлечь себя в сторону галереи. Напоследок она бросила на меня торжествующий взгляд, уверенная, что ловко прервала опасное уединение.

Я осталась одна у каменного выступа, глядя на тающий в холодном воздухе дымок вирджинского табака. Слегка повернувшись, я оглядела притихший после шпильки Эстер двор, мысленно фиксируя расстановку сил.

Хавершем вышел к самому разгару забавы, когда над двором уже стоял отчетливый дух подогретого вина и пряностей. Старик царственным жестом принял бокал из рук лакея, оперся на парапет и замер, созерцая прыгающих джентльменов, будто случайно заглянул в зверинец.

Чуть дальше у самых конюшен, Ярмут держался подле Хэмфриза. Они вели какую-то неспешную беседу о налогах на верфи, но я постоянно ловила на себе его холодный взгляд, который он бросал поверх плеча своего собеседника.

Когда сумерки начали сгущаться, кольца убрали, а промозглый норфолкский туман окончательно пробрался под подкладки тяжелых пальто, компания потянулась в дом.

Я намеренно задержалась у самого входа, делая вид, что поправляю завернувшуюся манжету перчатки, и наблюдала за входящими. Ярмут вежливо пропустил вперед леди Мортон, на секунду замешкался в дверях и мазнул по мне быстрым взглядом. Графиня Уэстморленд, шедшая следом, словно вспомнив что-то важное, тут же увлекла хозяйку дома в

противоположную сторону.

Еще во дворе я отметила, что они с Ярмутом сегодня демонстративно избегали друг друга. За весь день они не обменялись ни единым словом, ни разу не взяли бокалы с одного подноса и даже стояли в разных концах площадки. Слишком идеальное, слишком отрепетированное равнодушие для людей, которые еще вчера шептались в кулуарах.

Обед накрыли в большой столовой. Вся первая перемена блюд уже была выставлена: в центре дымилась глубокая супница с густым каштановым супом, вокруг неё на плоском плато лежали куски запеченной оленины под брусничным соусом, тушеные фазаны и маринованная по-норфолкски сельдь. Гости неторопливо передавали друг другу соусники и наполняли тарелки.

— Ваша меткость сегодня поразила всех, мисс Прескотт, — Элсворт улыбнулся девушке через стол, разламывая теплую булочку. — Полковник Черч был уверен, что кольцо улетит в кусты, но вы заставили его признать поражение.

Барышня густо покраснела, уткнувшись в салатную тарелку, а её тетушка, горделиво выпрямила спину:

— У моей племянницы множество скрытых талантов, мистер Элсворт. В загородном доме её отца в Беркшире они с братьями часто предавались подобным забавам.

Мужчины согласно загудели, одобряя успехи девицы. Лакеи в это время бесшумно двигались за спинами гостей, наполняя бокалы темным портвейном. Полковник Черч, до-

ждавшись, пока слуга отойдет, пригубил вино, задумчиво покачал его в хрустале и негромко заметил:

— Хороший порто. Грэхем всегда хвалил эту марку, говорил, у Хэмфриза лучший погреб в графстве.

Слова полковника упали в тишину столовой. Натянутая улыбка Элсворта замерла, леди Мортон осеклась на полуслове, а хозяин дома едва заметно дернул щекой, уставившись в собственную тарелку.

Разговор сразу же не заладился. Атмосфера мгновенно стала гнетущей. Хэмфриз и его супруга еще пытались держаться с безукоризненной ровностью, которая дается только людям с железным хребтом, но было поздно. Мистер Элсворт предпринял три отчаянные попытки исправить положение и завести речь о грядущей сессии в Палате общин, но его слова угасали, не находя отклика. Сам Черч после своего замечания окончательно замкнулся и ел молча, словно отбывал повинность. Леди переговаривались едва слышным шепотом, аккуратно выбирая выражения, точно ступали по тонкому льду.

Дауман, нашедший в себе силы спуститься к обеду, по обыкновению устроился напротив меня. Он сидел непривычно прямой, бледный до синевы, и за весь час едва прикоснулся к запеченной оленине. Слухи о его ночном «бесчувственном пьянстве» благодаря прислуге уже разошлись по Холтон-парку, поэтому соседи по столу его не донимали, изредка бросая сочувственные взгляды на человека, так же-

стоко пострадавшего от избытка портвейна.

Обед тянулся невыносимо долго. Когда лакеи, наконец, принялись разносить следующую перемену блюд, я потянулась к своему бокалу с водой. Перстень графа, сидевший на моем пальце слишком свободно, слегка скользнул и отчетливо ударился золотым боком о хрусталь.

Тонкий звук в вымученной тишине столовой прозвучал пугающе громко. Леди Мортон, сидевшая справа от меня, машинально опустила глаза на мою руку. Затем взгляд перевела ее соседка, за ней следующая, и едва начатые разговоры оборвались окончательно, а в комнате вновь повисла звенящая тишина.

Массивная золотая печатка с потемневшим гербом и глубокой гравировкой была видна слишком хорошо. В Норфолке этот перстень знали многие. Столичные гости могли не понять, что это за вещь, но здесь, за этим столом, достаточно было взгляда лорда Хэмфриза, чтобы остальные всё сообразили по его окаменевшему лицу.

Графиня Уэстморленд знала этот перстень прекрасно. Она смотрела на мою руку долгую секунду, затем ее взгляд медленно перетек на Хавершема, а после снова вернулся ко мне. Негласный вопрос, который никто не решался облечь в слова, буквально физически давил на присутствующих.

Нарушить это молчание никто не посмел бы, и тогда Хавершем неторопливо поставив свой бокал на скатерть, слегка подался вперед, забирая себе всё внимание стола.

— Кольцо сидит неудобно, Катрин? — с небрежной уверенностью, с какой произносят самые беспощадные вещи, осведомился Хавершем. — Что ж, боюсь, нам придется отдать его ювелиру, чтобы уменьшить ободок. Мои первые две супруги были куда дороднее и не отличались подобным изяществом, и прежде менять размер не требовалось. Но для вашей тонкой руки фамильное золото старых графов слишком велико.

Бомба взорвалась без единого звука. Именно так рушатся империи в приличном обществе — без криков и пальбы, просто через внезапную, оголенную паузу, после которой воздух в помещении становится густым и осязаемым.

Полковник Черч открыл было рот и тут же захлопнул его, точно выкинутая на берег рыба. Мистер Элсворт стремительно побагровел, а затем стал бледнее полотна. Маленькая, трогательная мисс Прескотт вдруг просияла такой искренней, незамутненной радостью, что тетушка наверняка с силой наступила ей на ногу под столом, заставив пискнуть.

Лорд Гренвиль застыл. Его лицо окаменело, и только резкое движение желваков да побелевшие костяшки пальцев, стиснувших ножку бокала, выдавали, каких усилий ему стоит сохранить это неподвижное выражение под прицелом чужих глаз.

Эстер, напротив, не сумела полностью справиться с собой. На её лице на миг промелькнуло искреннее изумление, которое тут же сменилось злорадным облегчением. Она по-

спешно опустила глаза к тарелке, пытаясь скрыть довольную улыбку.

Ярмут не изменился в лице. Лишь его взгляд на мгновение задержался на графине Уэстморленд, словно он пытался понять, что именно только что произошло.

Дауман судорожно повернул голову к графине Уэстморленд, смотрел на неё в упор, ища подсказки или приказа, словно напроказивший и напуганный слуга. Но графиня не удостоила его даже взглядом — она смотрела прямо на меня. Её лицо оставалось спокойным, являя собой шедевр светского самообладания. Ни один мускул не дрогнул, ни одна жилка на шее не выдала истинных чувств. Выдержав затяжную паузу, она медленно улыбнулась. Это была тонкая, идеально выверенная улыбка, предписанная правилами хорошего тона в подобных обстоятельствах.

— Дорогая, — произнесла графиня, и её голос прозвучал, как хорошо натянутая струна. — Хоть какое-то радостное известие в эти печальные дни. Позвольте от всего сердца поздравить вас обоих.

Это было исполнено гениально. Тон правильный, слова безупречные, ни одной фальшивой ноты. И всё же в этой улыбке крылось то, чего я никогда не видела у нее прежде — едва заметное усилие. Ей приходилось заставлять себя улыбаться там, где раньше это происходило само собой.

После слов графини словно прорвало плотину — стол немедленно зашумел, зашевелился, ожил. Поздравления по-

сыпались наперебой, со смесью обязательного восторга и скрытого ошеломления, которую английский свет производит с механической исправностью. Дамы переглядывались, обмениваясь торопливыми, хищными взглядами, судорожно пытаясь сопоставить этот факт с тем, что им было известно, и сделать первые выводы.

— Ах, как это неожиданно, — вымолвила одна из норфолкских соседок, и в этой короткой фразе читался весь будущий светский сезон.

— Поздравляю, Хавершем, — без тени улыбки бросил Черч, и это прозвучало скорее как скупое одобрение старого солдата, чем как комплимент.

— Что ж — пробормотал Элсворт, так и не найдя в себе смелости встретиться со мной взглядом. — Это весьма весьма оригинально.

— Вы повторяетесь, Элсворт, — негромко осадил его Хавершем и принялся за свое жаркое с умеренным удовольствием и абсолютно невозмутимым видом человека, которому никому ничего не нужно объяснять. Только в уголках его глаз, там, где залегли глубокие морщины, пряталось мальчишеское торжество. Он нанес удар именно тогда, когда нужно, и судя по едва заметному блеску в глазах, произведенный эффект его вполне устраивал.

Я же неторопливо взяла бокал и сделала глоток. Перстень снова едва заметно съехал по пальцу вниз, но я не стала его поправлять.

Глава 2

— Коллинз жалуется на уголь, — сообщила Мэри, не отрывая взгляда от своей тетради.

Она сидела у самого края стола, пристроив чернильницу на деревянной подставке, и кончик её гусиного пера мерно поскрипывал по плотной бумаге.

— Говорит, последняя партия сырая, жар неровный, и если так пойдёт дальше, говяжьи пласты будут выходить из печи не сушёными, а варёными. Я велела Хэнкоку разобраться, он проверил склад и выяснил, что в одном из углов крыша течет.

— Пусть сходит к кровельщику, — отозвалась я, намазывая масло на поджаренный хлеб. — Не хватало ещё, чтобы из-за дырявой кровли у нас печи встали.

— Вчера сходил, тот обещал сегодня выйти, — с улыбкой ответила Мэри. Она достала из-под тетради клочок серой промокательной бумаги, бережно прижала его ладонью к свежим строчкам, затем перевернула страницу. — Мисс Эббот просила передать, что новый поставщик овощей пока держит слово. Овощи везут чистые, гнилья нет. А вот новые женщины в разделочном цеху режут пласты слишком толсто. Она уже дважды делала им замечание, но безрезультатно.

— Пусть поставит их рядом с Барнсом. Он доходчивее объясняет.

— Хм, — хмыкнула Мэри. В цехе к повадкам старшего мастера все давно привыкли, и его громовой бас никого не удивлял. — Барнс объясняет доходчиво, но очень громко. После его вчерашних наставлений одна из женщин швырнула фартук и уволилась.

— Барнс орёт на всех одинаково, невзирая на пол и возраст. — Я отпила кофе из тонкой фарфоровой чашки. — Скажи мисс Эббот, что пусть выберет из новеньких одну самую понятливую, добавит ей шиллинг к недельной плате и поставит её в пример остальным. Пусть смотрят, как нужно работать ножом.

— Мешочки, — продолжала Мэри, листая свои записи дальше. — Мистер Хейс сообщил, что последняя партия холста пришла с браком. Нитки редкие, равенсдук совсем худой, и масло при пропитке сразу уходит насквозь. Он просит либо заменить поставщика, либо брать ткань вдвое плотнее.

— Я напишу Эдварду. Пусть разберётся сам со своими ткачами, он прекрасно знает, что нам нужно для флотских паёв. А Хейсу скажи, что пока не придёт новая партия, пусть складывает в двойной слой, счет за издержки выставим Эдварду.

— Хорошо. — Мэри прижала к свежей строчке клочок бумаги и закрыла тетрадь. — Миледи, я вам здесь нужна?

— Нет, и Мэри, ты отлично справляешься. Как мама? Брат?

— Всё хорошо, — лицо Мэри заметно посветлело. — К вечеру на прилавке ни корочки не остается, выпечку разбирают охотно. И кажется, мистер Портер, аптекарь, стал заходить к матушке слишком часто. Брат говорит, трижды на дню прибегает. Берет по четыре мясных пирога за раз, хотя живет один и лавка у него через два дома.

— Я очень рада, — ответила я, глядя, как полоска утреннего солнца слабо пробивается сквозь тяжелые портьеры.

Мэри поднялась, разгладила складки своего платья, поправила накидку и, уже у самой двери, взявшись за латунную ручку, обернулась:

— Она молится за вас, миледи. Каждый день.

Мэри вышла, мягко притворив за собой дверь.

Я ещё некоторое время сидела за завтраком одна, глядя в окно и слушая, как в холле внизу Дик забирает у Мэри дорожный саквояж. Глухие звуки большого дома разносились отчетливо: скрипнула тяжелая входная дверь, зашуршали по брусчатке колеса кареты, и Дик о чем-то негромко переговаривался с миссис Грант насчёт лошадей, которых нужно было снарядить к завтрашнему полудню.

Когда стук копыт за окном окончательно затих, я поднялась, оставив недопитый чай, и прошла по коридору вглубь дома.

В кабинете уже горел камин, а у высокой конторки ждала мисс Дэй. Она успела навести на моем столе порядок, разложив накопившуюся за время моего отсутствия почту по

трём стопкам: срочные листы, не срочные и те, что не стоили потраченных чернил. Последняя стопка предсказуемо оказалась самой высокой.

Я опустилась в кресло и потянулась к первому письму, лоямая сухую сургучную печать.

— Леди Ормонд, — произнесла я, пробегая глазами убо-ристые строчки. — Приглашает на рождественский вечер. Пятнадцатое декабря.

— Вы уже приняли приглашение графини Уэстморленд на семнадцатое, миледи, — отозвалась мисс Дэй. Она стояла у конторки, сверяясь со своей маленькой памятной книжкой.

— Тем лучше. Напиши леди Ормонд, что я буду рада. Без подробностей.

— Слушаюсь.

Острое гусиное перо в её пальцах привычно зашуршало по плотной бумаге.

— Следующее от мистера Уотсона, — негромко продол-жила она, макнув перо в чернильницу. — Он снова интере-суется, не изменились ли ваши планы относительно инвести-ций в его шерстяную мануфактуру в Лидсе.

— Мои планы не изменились. Пиши: леди Сандерс бла-годарит за проявленный интерес, однако в настоящее время вынуждена сосредоточить усилия на действующих предпри-ятиях и не может принять нового участия.

— Это уже третье письмо от мистера Уотсона, — заметила мисс Дэй, аккуратно выводя буквы и не поднимая головы.

— Я знаю. Следующее можешь не передавать мне — сразу в камин.

Мисс Дей едва заметно кивнула, а я взяла следующий лист, скрепленный темным воском, затем ещё один. Следующую четверть часа мы работали в полном молчании, которое прерывалось лишь скрипом пера да редкими короткими репликами. Письма расходились по своим судьбам: кому-то отправлялся вежливый отказ, кому-то короткое согласие, а третьи ложились в ящик стола до лучших времён.

За окном немного посветлело. Настоящее солнце в это время года над Лондоном не поднималось, но серость сменялась молочной мутью. В таком тумане город всегда казался со стороны сонным, хотя на деле на улице уже вовсю кипела суетливая жизнь.

— Мисс Дэй, — я отложила в сторону очередной лист и потерла уставшие от чтения глаза. — На сегодня вы свободны, закончим с письмами уже завтра.

Она отложила перо и выжидательно посмотрела на меня.

— Поезжай с Нортон в Саутуорк, — я быстро набросала несколько строк на чистом листке, сложила его вчетверо и, капнув горячего воска, поставила клеймо. — Передашь это лично мисс Эббот. И заодно посмотришь, что там с новыми столами для разделочного цеха. Хэнкок обещал, что они будут готовы ещё на прошлой неделе.

Она кивнула, забрала записку и принялась убирать бумаги в папку с завязками. Затем тихо попрощалась и выскольз-

нула из кабинета, оставив меня наедине с моими мыслями.

Из Норфолка я вернулась всего лишь вчера, хотя казалось, будто с того обеда в Холтон-парке прошла целая неделя. Мой экипаж двинулся в Лондон на следующее утро, на рассвете, — сразу после того, как графиня Уэстморленд поспешно покинула поместье, сославшись на неотложные дела в городе. Переговорив с Хавершемом перед моим отъездом, мы условились, что он задержится в Норфолке ещё на день решить пару вопросов с управляющим, а после отправится в Лондон, где нам предстояло детально обсудить пункты брачного соглашения.

Едва добравшись до Кинг-стрит, я первым же делом отправилась записку Финчу: нужно было разузнать всё, что касается долгов и залогов графа. Следом я написала леди Уилкс — эта неумная дама знала подноготную каждого семейства в королевстве и делилась сплетнями с величайшей охотой, если умело польстить её проницательности. Но прислуга вернулась ни с чем: леди Уилкс всё ещё гостила у дочери и должна была приехать в город только завтра. Мне оставалось опираться лишь на то, что успеет собрать мой поверенный за этот короткий срок.

Мои воспоминания прервал тихий стук. Дверь приоткрылась, и вошедшая миссис Грант отступила в сторону, пропуская Финча. Поверенный пересек кабинет, и по его нахмуренным бровям было ясно: поиски не принесли желаемого результата.

— Миледи, — произнёс он, опускаясь в кресло напротив моего стола. — Я наводил справки везде, где это было возможно. В банке «Куттс» граф Хавершем не значится должником. В «Хоурс» со мной и вовсе отказались разговаривать, сославшись на тайну вкладов. Один из клерков в Сити обмолвился, что долговые расписки за подписью графа вроде бы ходят по рукам, но ни сумм, ни точных имён держателей он назвать не сумел.

— Это всё?

— К сожалению, — Финч развёл руками. — Да, лондонские дома граф действительно продал. Но это случилось три года назад, и по ценам, которые никак не назовёшь вынужденными. Скорее наоборот — сделка была весьма удачной. Торговые корабли исчезли, это правда, и андеррайтеры поначалу отказали в выплате. Была долгая судебная тяжба, но в итоге граф выиграл часть иска и получил компенсацию. Меньше, чем требовал, но вполне достаточно, чтобы не пойти по миру.

Финч замолчал, а я откинулась на спинку кресла, думая о том, как легко столичные слухи, которые с такой уверенностью пересказывали в Норфолке, рассыпались один за другим, оставляя после себя лишь новые вопросы.

Мои размышления снова прервал стук в дверь, на пороге возникла миссис Грант.

— Миледи. Прибыл граф Хавершем. Экипаж только что остановился у крыльца.

Я поднялась, на ходу оправляя складки утреннего платья, и спустилась в холл как раз в тот момент, когда граф вошел в дом. Старик оглядел холл оценивающим взглядом, скользнул по миссис Грант, задержался на мне и удовлетворенно хмыкнул.

— Леди Сандерс, — коротко бросил он вместо приветствия.

— Граф. — Я повернулась к экономке. — Чай в кабинет, пожалуйста. — И, сделав шаг в сторону, указала на лестницу: — Прошу вас.

Мы поднимались вдвоём, не торопясь. Старик опирался на трость, но, как я заметила еще в Холтон-парке, в его движениях не было немощной осторожности. Эта вещь служила ему скорее привычкой и признаком статуса, нежели необходимой опорой.

В конце коридора я обошла графа, чтобы открыть перед ним дверь, и первой переступила порог.

Финч при нашем появлении тут же поднялся со своего места и сдержанно поклонился. Завершем окинул поверенного долгим взглядом и опустился в кресло у стола, небрежно пристроив трость на резном подлокотнике.

— Как доехали, граф? — осведомилась я, устраиваясь в своем кресле.

— Отвратительно, — отрезал старик. — Дороги от самого Норвича превратились в сплошную кашу. Карету три раза чуть не засосало в колею под Эттлборо. У меня отличный

кучер, леди Сандерс, но даже самого благочестивого слугу грязь способна довести до богохульства. Кстати, у вас в этом доме найдётся чашка приличного кофе? Столичный чай годится разве что для полоскания горла.

— Найдётся, — я едва заметно кивнула миссис Грант, которая как раз бесшумно вносила серебряный поднос с чайными приборами. Экономка опустила поднос, забрала лишнюю чашку и тут же удалилась.

Пока миссис Грант ходила за кофе, я дала Хавершему время устроиться. Старик вел себя так, словно находился в собственном доме: неторопливо стянул плотные перчатки из потемневшей от сырости свиной кожи, бросил их на край стола, поправил манжеты и принял из рук вернувшейся миссис Грант фарфоровую чашку. В кабинете тотчас густо запахло крепким, горьким кофе — старик пил его без молока, но насыпал три ложки сахара.

Миссис Грант снова беззвучно скрылась за дверью. Финч тем временем обмакнул перо в чернильницу и замер, держа руку на весу над чистым листом.

— Лорд Хавершем, — произнесла я, слегка подавшись вперед. — Прежде чем мы приступим к обсуждению пунктов соглашения, мне нужно знать точную сумму ваших долгов.

Хавершем даже не поднял взгляд. Он продолжал размеренно, по кругу, водить серебряной ложечкой, и та мерно, с перестуком задевала фарфоровые края. Глядя на его лицо,

можно было подумать, будто вопрос о банкротстве его вовсе не касается.

— Это необходимо для понимания, выполнимы ли обязательства, которые я беру на себя перед вами, — добавила я, и не дождавшись ответа, продолжила. — В свете упорно ходят самые разные слухи. Говорят, вы полностью распродали лондонское имущество, потеряли все корабли с грузом и практически разорены. Однако конкретных цифр моему поверенному установить не удалось.

Ложечка, наконец, замерла. Граф бережно опустил чашку на блюдце, так и не сделав ни одного глотка, и только тогда поднял на меня глаза. Он молчал, намеренно выдерживая паузу, заставляя Финча так и, сидеть с поднятым пером, с которого на бумагу вот-вот готова была сорваться чернильная капля.

— Умный всегда ищет истину, леди Сандерс, — со сквозящей в голосе насмешкой произнес он. — Глупый же верит всему, что болтают в гостиных. О вас, к слову, в Сент-Джеймсе тоже говорят много любопытного. Например, будто вы собственноручно убили вашего мужа, после чего подкупили половину судей, дабы избежать петли.

— Всё верно, — согласилась я, сохраняя серьезное выражение лица. — Однако вы забыли упомянуть, что прежде я его долго пытала, ведь мне нужно было узнать, где именно он спрятал свои несметные сокровища.

Старик коротко крякнул, на его тонких губах на мгнове-

ние проступила довольная улыбка. Он глубже откинулся на спинку кресла, и в его глазах зажегся тот самый острый интерес, который я уже видела в Норфолке.

— Свадьба будет человек на триста, — объявил он, словно речь шла о самой незначительной детали контракта. — Большого количества бездельников я в своем доме не потерплю — слишком стар для столичного шума. И насчет трат не беспокоиться, все расходы на торжество я беру на себя.

Я чуть приподняла бровь, не отрывая от него глаз.

— В таком случае, милорд, ответьте мне, зачем вы вообще согласились на эту сделку, если ваши долги не обременяют вас настолько, что вы готовы самостоятельно оплатить счета за венчание?

— Мне было любопытно, леди Сандерс, — произнес он, лукаво улыбнувшись. — Любопытно узнать, зачем преуспевающей вдове так понадобились мои норфолкские земли. Что именно вы задумали, раз согласились связать свое имя с сумасшедшим, как уверяют сплетники, стариком? Да, я прекрасно знаю, что обо мне шепчут эти столичные чистоплюи. Но, как я уже имел честь заметить вам в Холтон-парке я слишком давно не участвовал в хорошей интриге. Скука — страшный грех в моем возрасте.

Я улыбнулась не той дежурной улыбкой, которой обычно принимают светских визитеров, а как улыбаются равному противнику. Этот старик вел свою игру без привычного столичного лицемерия, и это, пожалуй, было самым честным, с

чем мне приходилось сталкиваться за последнее время.

— Что ж, милорд. В таком случае нам придётся прямо сейчас пересмотреть некоторые пункты нашего соглашения.

— Пересматривайте, — легко согласился Хавершем. Он взял со стола чашку, сделал глоток и добавил, глядя в темный фарфор: — Внесите туда ещё одно условие. Если дому Хавершемов однажды посчастливится обрести наследника, я сочту справедливым передать вам в собственное распоряжение любые земли, которые выберете сами — из тех, что свободны от наследственных обязательств.

Перо Финча, до этого момента мерно скрипевшее по бумаге, резко вильнуло, оставив жирную кляксу, и замерло.

— Граф, — я откинулась на спинку кресла, подбирая слова. — Я предупредила вас ещё у Хэмфризов: выполнение супружеских обязанностей не предполагается. И мы внесём это в соглашение отдельной строкой.

— Выйди, — бросил Хавершем. Он даже не повернулся к Финчу, просто шевельнул пальцами, отсылая того прочь.

Поверенный не двинулся с места. Его взгляд, полный немого вопроса, был устремлен исключительно на меня.

— Идите, мистер Финч, — мягко подтвердила я. — Посидите пока в приемной. Я вас позову.

Финч поднялся и бесшумно покинул кабинет. Дверь закрылась, и в комнате сразу стало тише, лишь тихо щелкали остывающие угли в камине да за окнами глухо доносился грохот проезжающих по Кинг-стрит дилижансов.

Хавершем хмыкнул, задумчиво разглядывая остатки остывающего кофе на дне чашки.

— Преданность, — негромко произнес он, — ныне редкий товар на лондонских рынках. Её сложно завоевать.

— Да, — согласилась я. — И потому особенно ценна.

Старик промолчал. Несколько секунд мы сидели в полной тишине. Когда он снова заговорил, его голос лишился прежней светской колкости, он звучал буднично, как говорят люди, уставшие носить маски.

— Моя первая жена была умна, — он отставил чашку на стол. — На редкость умна. Правда, слаба здоровьем и так и не сумела подарить мне наследника. Вторая вторая оказалась круглой душой, раз ей приглянулся смазливый помощник конюха. Сын, признаться, уродился в неё — красив, но обделен умом. Несдержан и жаден до безумия. Я ни капли не удивился, когда узнал о тех кораблях. Он либо сам их продал вместе с грузом, подкупив капитанов, либо по собственной глупости пустил ко дну.

Хавершем, наконец, поднял голову и посмотрел прямо на меня.

— Вам не о чем беспокоиться, Катрин. Моё здоровье не располагает к тем излишествам, которыми молодые бездельники любят хвастаться в Сент-Джеймских клубах, — добавил он, и его губы тронула едва заметная, горькая усмешка. — Так что если однажды у дома Хавершемов всё же появится наследник я не стану задавать лишних вопросов.

За окном пронзительно и сухо звякнула подкова о мостовую, промчался экипаж, и топот копыт быстро растаял вдали.

Я молчала, глядя на затухающий камин. Разрушать тайные чаяния графа было бы слишком жестоко, но заводить ребенка от случайного мужчины ради новых земель я, разумеется, не собиралась. Единственный мужчина, чьё присутствие рядом я могла бы допустить, был скован собственными обязательствами, и я запретила себе о нём думать.

В памяти мгновенно ожил день моего отъезда из Холтон-парка и брошенная у кареты фраза: *«Так даже лучше я вынужден вскоре покинуть страну, и к моему возвращению возможно вы снова станете вдовой, а я не суверен».*

Тряхнув головой, прогоняя нахлынувшие воспоминания. Я ни слова не сказав, поднялась, подошла к двери и потянула за ручку.

— Мистер Финч, — позвала я в коридор. — Будьте добры, вернитесь.

Поверенный вошел, сел на свое место и снова потянулся к перу. Лицо его было по-деловому сосредоточенным — он молча ждал, когда я продолжу диктовать, чтобы облечь новые условия в параграфы закона.

— Итак, — я опустила обратно в кресло. — Начнем сначала. Пункт первый.

Глава 3

Джейн укладывала последние шпильки, когда я поймала себя на мысли, что уже несколько минут безотчётно перебираю в памяти подробности вчерашнего вечера.

Мы просидели с Финчем и Хавершем допоздна. Камин успел прогореть дважды, миссис Грант трижды приносила свежий чай и однажды кофе, от которого старик не отказался, хотя был уже десятый час вечера. Финч писал, вычёркивал, переписывал и снова вычёркивал с таким самозабвенным упоением, какого я прежде за ним не замечала. Хавершем спорил без светской обходительности, коротко и по существу. Однажды мы оба расхохотались одновременно — по какому-то поводу, связанному с формулировкой про «право неограниченного управления собственным капиталом», которую Финч от растерянности записал трижды в разных параграфах подряд.

— За все мои годы, — пробурчал тогда Хавершем, откидываясь на спинку кресла и с удовольствием оглядывая исписанные листы, — я не встречал ни одного мужчины, кто был бы настолько предусмотрителен в своих намерениях. Но вы, леди Сандерс, умудрились превзойти и мужчин.

Подписывать в тот же вечер не стали, сговорились посмотреть соглашение на свежую голову и встретиться с утра.

— Готово, миледи, — прервала мои воспоминания

Джейн, чуть отступив и критически оглядывая свою работу.

Я поднялась с кресла и мельком взглянула на своё отражение в зеркале — для утра, в которое предстоит подписывать документы, а не являться ко двору, вид был вполне подходящим. Поправив складки тёмно-синего платья, я спустилась в холл. Финч и Хавершем, прибывшие одновременно, уже стояли у входа, молча ожидая, пока миссис Грант примет их тяжелые, пахнущие сыростью плащи.

— Доброе утро, господа, — поприветствовала я гостей, подходя ближе.

— Утро добрым не бывает, леди Сандерс, если до вашего крыльца приходится плыть, а не ехать, — проворчал старик, стягивая влажные перчатки.

— Вы выехали столь рано, граф, что я смею заподозрить — вы пренебрегли собственным завтраком, — заметила я, глядя на его недовольный вид. — Не откажетесь разделить его со мной?

Хавершем хмыкнул, оценивающе взглянул на меня поверх очков и качнул головой.

— Не откажусь. Мой повар нынче увлёкся чтением каких-то новомодных французских рецептов, и его утренние кулинарные изыскания способны довести до полного изнеможения любого честного англичанина ещё до полудня.

Поверенный лишь сдержанно поклонился, поправляя воротник сюртука, но по его уставшему виду было ясно, что от горячего чая он тоже не откажется.

— В таком случае, прошу в столовую, — ответила я, жестом приглашая их следовать за мной.

Наш повар Бриггс сегодня превзошёл самого себя. На крахмальной скатерти среди начищенного серебра красовался обильный утренний стол: сочный холодный ростбиф, запечённый свиной окорок, нарезанный тонкими прозрачными ломтями, горячий белый хлеб с поджаристой, трескающейся коркой и свежее взбитое масло. Рядом в стеклянных вазочках подали густой крыжовенный джем, а лакеи как раз разливали крепкий чай и исходивший паром кофе, который сварили специально для графа.

Доктор Моррис, который спустился чуть раньше, поднялся навстречу вошедшим, приветствуя графа. Вскоре все расселись. Доктор и Финч быстро нашли общую тему и негромко переговаривались о чём-то медицинском. Мэри, явно смущенная присутствием столь высокого гостя, ела быстро, отвечала коротко и старательно игнорировала графа. Тот же вел себя неторопливо и молчал, с явным удовольствием отдавая должное холодному ростбифу и лишь изредка бросая на неё изучающие взгляды. Было очевидно, что пустой светской болтовне старик предпочитал сосредоточенное уединение за тарелкой.

Когда Мэри поднялась первой и, извинившись, отправилась по делам в Саутуорк, а Финч и доктор Моррис отошли к камину со своими чашками, за столом наконец повисла тишина. Хавершем не спеша встал, взял трость и, обойдя стол,

остановился рядом со мной.

— Занятная у вас компания, леди Сандерс, — произнёс он вполголоса, не глядя на меня, а разглядывая оставшихся мужчин со своим привычным, едким прищуром. — Пове­рен­ный, врач и эта серьёзная молодая особа с тетрадь­ю. Моя будущая супруга умудрилась окружить себя людьми будто заранее готовилась к любому повороту судьбы.

— Это не самая дурная привычка, милорд, — ответила я.

— Нет, — легко согласился он. — Весьма разумная. Идёмте.

Граф первым двинулся к выходу из столовой. Финч, пой­мав мой взгляд, тут же оставил свою чашку, распрощался с доктором Моррисом и последовал за нами.

Мы поднимались на второй этаж без лишней спешки. В кабинете всё уже было приготовлено к работе: на столе в безупречном порядке лежали те самые семь страниц соглашения, над которыми мы сидели накануне допоздна, а рядом ждала открытая чернильница.

Мы устроились в креслах друг напротив друга. Граф мол­ча взял свой экземпляр, Финч подал мне мой и отступил к конторке, готовый вносить финальные правки. Я ещё раз перечитала весь документ целиком — медленно, въедливо, проверяя каждую формулировку. Завершем листал свою ко­пию параллельно, мерно постукивая пальцем по краю стола в тех местах, где параграфы требовали особого внимания.

Первым отдельным разделом шло управление капиталом:

всё, что принадлежало мне до брака и будет заработано после, оставалось под моим единоличным началом. Граф не имел права ни запрашивать отчётности, ни оспаривать моих решений. Вмешательство в дела моих предприятий исключалось полностью: ни советы, ни проверки, ни право подписи под контрактами.

Следом шли обязательства сторон. Финансирование расчистки русла и модернизации шлюзов я брала на себя, но взамен получала угодья вдоль канала на правах долгосрочной аренды сроком на девяносто девять лет с исключительным правом выкупа. Оформить и подписать этот договор требовалось до венчания: по английским законам, как только я стану графиней Хавершем, любые мои новые права на землю автоматически перейдут под власть мужа.

Сам же граф не мог просто продать мне эти угодья — они были защищены майоратом и неотчуждаемы от его титула. Однако закон не запрещал ему сдать их в вековое пользование, полностью лишая своих преемников возможности вмешаться. Дополнительно Финч вписал туда пункт об исключительном праве выкупа земель в собственность, если ограничения майората когда-либо будут сняты.

С деньгами мы поступили ещё жестче, создав для них недосыгаемое убежище. Все накопления от моих производств и будущую прибыль мы вывели в независимый целевой траст под управлением Финча. При этом сам Финч не получал права распоряжаться ими по своему усмотрению.

Каждое вложение, каждый перевод, каждая крупная выплата требовали моего письменного согласия и должны были соответствовать заранее закреплённой цели. Я не настолько доверяла людям, чтобы отдавать им деньги. Но доверяла себе достаточно, чтобы заранее ограничить даже тех, кому доверяю.

Для постороннего наблюдателя будущая графиня Хавершем выглядела женщиной без свободного капитала. На деле деньги никуда не исчезали, просто теперь добраться до них стало значительно сложнее: юридически эти средства больше не принадлежали мне напрямую, а значит, ни возможные кредиторы графа, ни объявившийся наследник, ни любой иной заинтересованный господин не смог бы заявить на них права. У будущей супруги Хавершема попросту не было личных денег, которые можно было бы обратить в уплату чужих обязательств.

Любой другой аристократ с Сент-Джеймс счел бы подобный договор позором, ведь соглашение фактически связывало его по рукам и ногам, отдавая кусок родового имения под нужды промышленницы. Но Хавершем, перевернув страницу, лишь глухо усмехнулся. Старик прекрасно понял, как красиво мы заблокировали все лазейки к моим карманам, и в его прищуре читалось лишь уважение игрока, встретившего себе равного.

И последнее, зафиксированное в самом финале под видом невинного светского соглашения: пункт о раздельном ве-

дении домашнего хозяйства. Финч сформулировал его безупречно: *«с предоставлением будущей графине Хавершем права на независимое содержание личного штата прислуги и неприкосновенность её уединенных покоев в пределах любого из совместных владений»*. Случайный человек увидел бы здесь лишь заботу о покое дамы, но мы трое прекрасно знали, какую именно стену воздвигла эта строчка.

Финч, собравший в конце концов все листы в аккуратную стопку, опустил их на стол и помедлил, прежде чем передать мне перо.

— Миледи, — произнёс он наконец с осторожностью. — За двадцать лет практики это самое необычное соглашение, которое мне доводилось составлять.

— Это потому, — невозмутимо отозвался Хавершем, даже не взглянув на него, — что до сих пор ваши клиенты не имели обыкновения думать головой, мистер Финч.

Поверенный промолчал, поправил очки и вернулся к бумагам.

Подписывали поочерёдно. Хавершем расписался первым — крупно, размашисто, не перечитывая, как расписываются люди, которые давно не сомневаются в своих решениях. Затем он прижал к горячему воску личный перстень-печатку. Я поставила свою подпись и оттиск следом. Финч скрепил оба экземпляра своей подписью в качестве свидетеля.

Когда бумаги были убраны, я проводила Хавершема вниз. В холле он принял от миссис Грант плащ, неторопливо за-

стегнулся на все пуговицы и уже у самого порога обернулся. Утренний свет падал ему сбоку, подчеркивая глубокие морщины у глаз, и по его лицу было видно, что старик доволен.

— Не затягивайте со свадьбой, леди Сандерс, — сказал он, криво усмехнувшись. — Я уже начал получать удовольствие.

Тяжелая дверь за ним закрылась. Я осталась в холле, слушая, как стучат по мостовой колеса его удаляющегося экипажа. Обернувшись, я застала Финча — он спускался по лестнице, бережно прижимая к груди портфель. Выглядел уверенный так, словно только что лично запер в сундук парочку голодных львов и умудрился сохранить все пальцы.

— Вы проделали превосходную работу, мистер Финч, — произнесла я, когда он ступил на каменные плиты пола.

— Благодарю, миледи, — юрист коротко поклонился, и на его бледном лице впервые за утро проступило подобие облегчения. — С вашего позволения, я откланяюсь, потребуется время, чтобы привести бумаги в надлежащий вид.

Попрощавшись с Финчем, я поднялась в свои покои. Утренний чай давно остыл, а на столике у зеркала лежала записка, доставленная чуть свет мальчишкой-рассыльным. Плотная бумага, размашистый, слегка летящий почерк леди Уилкс. *«Катрин, немедленно будьте у меня. Нам нужно объясниться, и видит бог, лучше сделать это до того, как слухи из кофейни «Уайтс» доползут до ушей епископа».*

Заставлять её ждать сейчас могло быть опасным. Судя по

резким росчеркам пера, леди Уилкс уже была уязвлена тем, что её оставили в неведении. Позволить её обиде укорениться означало своими руками отдать козыри светским сплетникам.

Кликнув Дика, я приказала немедленно закладывать выезд. Спустя четверть часа, накинув шерстяной редингот и натянув плотные кожаные перчатки, я уже усаживалась в карету. Дик привычно взлетел на козлы, и под тихий стук копыт по сырой мостовой мы покатали в сторону Мэйфэр.

Леди Уилкс приняла меня в малой гостиной. По тому, с каким видом она сидела в своём любимом кресле у окна, было ясно ещё с порога: разговор начнётся не с чая. Она даже не прикоснулась к фарфоровому чайнику, который мирно исходил паром на серебряном подносе.

— Я узнала о вашей помолвке последней, — произнесла она, едва я переступила порог, и в её голосе соединились оскорблённое достоинство и искреннее изумление. — После Лондона, Норфолка и, подозреваю, каждого лакея на Беркли-сквер. Катрин, дорогая, признаться, я не предполагала, что столь оглушительное известие получу из третьих рук.

— Я не хотела тревожить вас до окончательного решения, — ответила я, устраиваясь в кресле напротив.

— До окончательного решения, — повторила она с расстановкой. — Катрин, вы объявили о помолвке за обеденным столом у Хэмфриза. При дюжине свидетелей. Это и есть окончательное решение.

— Официального объявления не было, — возразила я.

Она на секунду замерла, смерив меня долгим, пронизательным взглядом. Мой невозмутимый тон явно выбил её из колеи, требуя смены тактики. Демонстративно поправив кружевную манжету, она всё же взяла фарфоровый чайник и неторопливо, с подчёркнутым изяществом разлила чай по чашкам.

— Хорошо, — произнесла она наконец, глубоко вдохнув. — Но граф Хавершем Катрин, ради всего святого. Ему под семьдесят. Он дважды вдовец, что вы, очевидно, знаете. У этого человека характер испанского инквизитора: он суров, нетерпим, мстителен в мелочах и абсолютно неуправляем в крупных делах. В Норфолке его боятся соседи, в Лондоне от его вежливого поклона у министров спины сводит.

Она сделала паузу, недовольно поджав губы.

— Однако справедлив, — добавила леди Уилкс нехотя, словно выплюнула горькую пилюлю. — И это самое невыносимое в людях с дурным характером.

Она вдруг посмотрела на меня в упор, и в её прищуре мелькнула тень любопытства.

— Катрин не сочтите меня излишне сентиментальной... Но как же сердечные привязанности? Он не слишком стар для вас, дорогая?

Я сделала глоток, прежде чем ответить.

— В нашем обществе любовь — это роскошь. А граф — это то, что мне сейчас нужно.

Леди Уилкс долго молчала, пристально разглядывая моё лицо, словно пыталась прочесть то, что я оставила между строк. Затем напряжение в её плечах чуть спало, уступив место привычному холодному одобрению.

— Увы, вы правы. И, пожалуй, так оно и лучше. По крайней мере, этот старый лис достаточно брезглив, чтобы не промотать ваше состояние за карточным столом и не приводить в дом девиц из Друри-Лейн. Для нашего времени — это уже почти добродетель.

Она снова взяла чашку и сделала крошечный глоток.

— Но то, что вы не сообщили мне о свадьбе, Катрин, это всё равно возмутительно.

— Зато я хочу поручить вам её организовать, — сказала я.

Леди Уилкс замерла, затем медленно опустила чашку на блюдце. Звон фарфора отчетливо прозвучал в тишине гостиной. Мгновение и её взгляд стал цепким, расчётливым, а тон деловым:

— Список гостей. Сколько человек Хавершем согласен терпеть под одной крышей?

— Около трёхсот.

— Триста, — повторила она, задумчиво взирая перед собой. — Это значит, что половина Лондона будет оскорблена тем, что их не позвали. Составим списки так, чтобы обиженные принадлежали к разным лагерям, иначе они объединятся против вас прежде, чем вы доберётесь до венчания. Цветы — только белый и зелёный. Никаких жёлтых нарцис-

сов, они хороши в апреле, а не на свадьбе в декабре. Лёд — понадобится много, особенно если подавать рыбные блюда. Музыканты — струнный квартет, не больше. Хавершем всё равно слышать их не захочет, а делать вид, что слушает, не станет. Священник — кто будет вести венчание? У вас есть предпочтения или доверите мне?

— Доверю вам.

— Разумно. — Она открыла небольшую шкатулку на столике рядом, извлекла листок бумаги и карандаш. — Свидетели. Со стороны Хавершема, полагаю, кто-то из старых знакомых, которых вы в глаза не видели. Со стороны невесты — мне нужно подумать.

Карандаш быстро закрипел по бумаге.

— Теперь о тех, кто придёт с самыми сладкими поздравлениями и самыми кислыми лицами...

Минут двадцать она диктовала, писала, вычёркивала и переписывала, периодически обращаясь ко мне за уточнениями и изредка делая короткие отступления, когда в памяти всплывало что-нибудь важное.

— Кстати, — произнесла она, не отрываясь от списка, — Генри Сандерс, судя по всему, тоже определился с кандидатурой. Его стали часто видеть в обществе леди Форрест. Вдова, годом старше него, поместье в Суррее, трое детей от первого брака. Говорят, она умна и держится без лишних претензий. Для него, пожалуй, удачно.

— Возможно, — согласилась я.

— Хотя, — она прищурилась, — в последнее время вся эта история с американским наследством вдруг стала интересовать людей, которые обычно подобными делами не интересуются. Но это уже другой разговор. — Карандаш снова заскользил по листу. — А вот насчёт цветов на входе я ещё не решила. Зимой хризантемы хороши, но они слишком напоминают мне о похоронах. Нужно что-то другое.

Она замолчала, обдумывая цветочный вопрос с той же серьёзностью, с какой другие люди обдумывают государственные решения.

— Между прочим, о вашем союзе уже вовсю судачили на утреннем чае у графини Уэстморленд, — как бы между делом заметила леди Уилкс, вычеркивая какую-то фамилию из конца списка. — Графиня принимала у себя несколько дам всего пару часов назад. Когда заговорили о Хавершемме, Уэстморленд объявила присутствующим, что Норфолку давно не хватало твердой женской руки, а Катрин Сандерс — едва ли не единственная женщина в королевстве, способная укротить паршивый нрав старого графа ради блага графства. Полагаю, дорогая, это официальное благословение.

Я едва заметно улыбнулась. Графиня оставалась верна себе: Капкан в Холтон-парке с треском захлопнулся впустую, но Уэстморленд, вместо того чтобы признать поражение, мгновенно переиграла расклад сил и обернула мою неожиданную помолвку в свою пользу.

Леди Уилкс тем временем перевернула страницу, на мгно-

вение занеся карандаш над чистой строкой, и вдруг, не меняя интонации, добавила:

— Вы слышали, что лорд Гренвиль скоро, вероятно, лишится права распоряжаться собственной жизнью?

Я подняла взгляд от чашки.

— Пока ничего официального, разумеется, — продолжала она, изучая свой список. — Но в Уайтхолле уже несколько недель ходят разговоры. Россия, Петербург — что-то в этом роде. — Леди Уилкс небрежно отмахнулась веером. — Для мужчины его положения это весьма предсказуемая партия от судьбы. Молодых людей вечно куда-нибудь отправляют. Сначала обещают Вену, потом оказывается Берлин, а потом внезапно выясняется, что полжизни предстоит провести среди снегов и жуткого холода.

— Понятно, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Так, про цветы, — кивнула она, возвращаясь к записям. — Я всё же думаю, белые розы. Дорого, зато безупречно.

Мы провели за обсуждением организации свадьбы ещё около часа. Леди Уилкс с упоением расписывала очерёдность подачи блюд, выговаривала мне за равнодушие к деталям подвенечного наряда и переставляла местами карточки с именами гостей, чтобы предотвратить как минимум три светских скандала.

В начале двенадцатого я всё же сослалась на неотложные

дела и поднялась, чтобы попрощаться. Времени оставалось в обрез: сегодня я была приглашена в Буши-хаус.

Глава 4

Буши-хаус стоял на самом краю парка, в той части Хэмптон-Корта, которая особенно хороша тихими вечерами с закрытыми ставнями и горящими каминами. Герцог Кларенс встречал гостей у дверей сам, без привычного для членов королевской семьи ливрейного парада и избыточной торжественности. Он стоял в простом домашнем сюртуке, с бокалом в руке.

— А, леди Сандерс! — воскликнул он, расплывшись в своей широкой улыбке. — Наконец-то явились! Миссис Джордан говорит, что вы умнейшая женщина в Англии, а я говорю, что умнейшие женщины не заставляют себя ждать.

— Вы правы, Ваше Высочество, — ответила я, делая реверанс. — Но дорога из Лондона в ноябре требует ангельского терпения. Пришлось тащиться по сплошной глине.

— Дорога везде требует терпения! — загремел он, пропуская меня вперёд. — Заходите, там уже все.

Я переступила порог и пошла по коридору, невольно оглядываясь. В доме герцога не было и следа выставочной безупречности столичных особняков Мэйфэр, где каждая подушка обязана лежать под строго заданным углом. Здесь всё дышало уютной домашней небрежностью. У самого входа, на полированном дубовом сундуке, осталась лежать чья-то забытая деревянная лодка со следами неумелой мальчишеской

строжки, а чуть пониже, у подставки для зонтов, жались друг к другу маленькие, забрызганные подсохшей грязью детские ботинки.

Где-то в глубине комнат приветливо тьякнул пес, но на него никто не прикрикнул. Из полуоткрытой двери малой гостиной, мимо которой я проходила, тянуло запахом хорошего вирджинского табака, дровяного дыма и подсыхающей лаванды. Заглянув туда, я заметила брошенную прямо на подлокотник кресла неоконченную вышивку с запутавшимися нитками, а на ломберном столике — неаккуратную, явно не раз перетасованную стопку игральных карт.

«Все», к кому в итоге меня вывел коридор, расположились в большой гостиной. Гостей оказалось немного, человек восемь, не больше. Миссис Джордан сидела у камина, увлечённо беседуя с леди Кавендиш. А у высокого окна два адмиралтейских офицера — капитаны Харди и Пейджет — негромко спорили с мистером Ванситартом из министерства финансов. До меня долетали лишь обрывки фраз: они обсуждали разорительные лондонские цены на уголь, из-за которых этой зимой беднота Клеркенвелла со дня на день могла устроить новые бунты, и дефицит балтийской пеньки, грозивший сорвать зимнее оснащение верфей в Чатеме.

Форд, стоявший чуть поодаль у ломберного стола с бокалом херуса, заметил меня первым. Он негромко извинился перед своим собеседником, пересёк комнату и остановился в паре шагов от меня, вежливо наклонив голову.

— Леди Сандерс, рад видеть вас в Буши, — произнёс он со сдержанной улыбкой.

— Взаимно, мистер Форд, — поприветствовала я едва заметным кивком, испытывая молчаливое удовлетворение: присутствие Форда в этом доме в очередной раз доказывало его истинный вес в Уайтхолле.

— Признаться, я удивлён, что вы приняли приглашение Его Высочества, — Форд чуть понизил голос, и в его глазах промелькнула едва уловимая насмешка. — Светские сплетники Мэйфэр уверяли меня, что в эти дни вы заняты исключительно подготовкой к... весьма знаменательному событию.

Ответить ему я не успела. Заметив моё появление, миссис Джордан поднялась с кресла и направилась к нам. Форд тут же тактично отступил на полшага назад, уступая место хозяйке дома.

Эта невысокая женщина обладала редкой для светских дам прямоотой. Дороти не стала разыгрывать церемонную радость, а просто искренне улыбнулась — так улыбаются людям, которых действительно рады видеть, не тратя сил на притворство.

— Леди Сандерс. — Она ласково взяла мои руки в свои. — Я так рада. Уильям столько о вас говорил, что я начала думать, не стоит ли мне самой заняться флотским провиантом.

— Вы замените меня за неделю.

— Ну уж нет, упаси бог! — Дороти всплеснула руками

с чисто театральной экспрессией. — На мне девять душ в этом доме, не считая их отца, и поверьте я едва справляюсь с ними.

— И всё же, если вы решите навестить Сауторк, я буду рада принять вас, — отозвалась я. — Парадного фарфора не обещаю, но приличный обед гарантирую.

— В Сауторк? К дымящим трубам и бондарным мастерским? — Кларенс, до этого момента громко распекавший Ванситарта у окна, мгновенно развернулся на мои слова и в два шага оказался рядом. Его обветренное лицо расплылось в широкой улыбке. — Идёт, леди Сандерс! Ей-богу, Дороти, мы принимаем приглашение. Я готов променять всю уайтхолльскую стряпню на кусок хорошего мяса в Сауторке. Кстати, о мясе... Дороти, ради всего святого, вели подавать! Я пахну этим гусем из соседней комнаты последние полчаса и готов съесть его вместе с блюдом.

— Вы невыносимы, Уильям, — она качнула головой, но в её глазах вспыхнули тёплые смешинки. Дороти повернулась к замершим в ожидании гостям и махнула рукой, без лишних церемоний увлекая всех за собой: — Прошу в столовую, господа. Пока Его Высочество не растерзал моих лакеев.

Обед в соседней комнате был накрыт по-домашнему, без вычурного французского разделения на блюда, но обильно и добротно. На крахмальной скатерти, не затеняя друг друга, теснилась вся первая перемена. Из глубоких фаянсовых супниц поднимался густой пар ароматного супа из бараньих

голяшек с перловой крупой и разваренным луком-пореем. Рядом, истекая янтарным жиром, покоился запечённый гусь, начиненный кислыми яблоками и шалфеем, а на оловянном блюде дымился огромный, поджаристый говяжий бок в окружении печёного пастернака и тушёной брюквы. Вместо дорогих тепличных изысков в небольших салатниках лакеи подали домашние заготовки: мочёную бруснику и маринованные грецкие орехи. Вино — креплёный порто и легкий херус — подали в стеклянных графинах, которые гости без лишних церемоний передавали друг другу по ходу солнца.

За столом Кларенс балагурил, расспрашивал леди Кавендиш о скачках в Ньюмаркете, спорил с адмиралами о достоинствах новых каретных рессор и вообще вёл себя как радужный, слегка шумный хозяин дома. Затем разговор от общих тем плавно перетёк на экономику, и один из адмиралтейских офицеров, капитан Пейджет, угрюмо заметил, качая головой:

— Если к зиме снова вырастет цена на уголь, часть семей в портовых доках останется без отопления. Нам будет не из кого набирать матросов, господа. Парни начнут разбегаться вглубь страны, лишь бы не видеть, как их близкие замерзают в трущобах.

Я ожидала, что герцог отмахнётся или отпустит какую-нибудь из своих обычных грубых шуток про британскую закалку, но Кларенс неожиданно посерьёзnel. Его лицо утратило всякое веселье, он отставил бокал и принялся загибать паль-

цы:

— Жалование вдовы портового матроса с двумя детьми — от силы четыре шиллинга в неделю, если она умудряется подрабатывать шитьём парусины. Четверть угля в Лондоне сейчас стоит один шиллинг и два пенса. Плюс хлеб, аренда угла в Сауторке и налог на окна. На сколько дней, по-вашему, им хватит этой четверти угля в январские заморозки? На три? На четыре, если заколотить половину проёмов досками и гасить огонь сразу после полудня?

В столовой воцарилась тишина. Я смотрела на принца, едва сдерживая изумление: он не просто знал проблему, он знал эти грошовые, страшные цифры наизусть, будто сам каждую неделю сводил баланс в каком-нибудь подвале у Темзы.

В эту паузу миссис Джордан спокойно опустила ложечку в свою тарелку и добавила, взглянув на меня:

— Простите Уильяму эти скучные подсчёты, леди Сандерс. Просто добрую половину прошений и жалоб от приютов и вдов присылают на моё имя. Нам приходится перепроверять каждый шиллинг, чтобы эти деньги доходили до тех, кто в них действительно нуждается, а не оседали в карманах приходских старост. Мой принц очень болезн

Договорить миссис Джордан не успела. Тяжёлая дубовая дверь столовой без всякого стука приоткрылась, и в комнату, громко шлёпая домашними туфлями, вбежал мальчик лет семи в помятой полотняной рубашке. Его каштановые кудри

были растрёпаны, а в глазах стояли слёзы обиды.

— Папа! — выпалил ребёнок, подбегая прямо к стулу герцога и дёргая его за рукав сюртука. — Папа, Том опять отобрал мою лодку, которую мы вчера строгали у пруда! И спрятал на шкаф!

Кларенс даже не нахмурился. Он медленно повернулся к мальчику, положил свою огромную, выветренную морскими штормами ладонь на его хрупкое плечо и ответил — абсолютно серьёзно, без сюсюканья, как разговаривают с равным офицером:

— Джордж. Если это была по-настоящему хорошая лодка, ты должен был защищать её лучше. Или построить такую, которую Том не сможет достать. Иди и забери её сам. Капитан своего судна не бежит с жалобами в Адмиралтейство из-за каждого наглого капера.

Мальчик замер, обдумывая отцовские слова, затем шмыгнув носом, решительно развернулся и унёсся обратно, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Кларенс как ни в чём не бывало взял нож и спокойно продолжил нарезать мясо на своей тарелке. Наступившую неловкую паузу поспешил сгладить мистер Ванситарт. Он тонко, по-чиновничьи улыбнулся и заметил:

— Ваше Высочество проявляет поистине ангельское терпение. Далекое не каждый джентльмен сохранил бы такое хладнокровие.

Герцог коротко хохотнул, даже не поднимая глаз от тарел-

ки:

— У меня девять детей, Ванситарт. В таких обстоятельствах терпение приходит само, либо человек просто не выживает. Третьего пути природа не предусмотрела.

За столом дружно рассмеялись, напряжение спало, и офицеры снова потянулись к графинам с вином. Я же молча пригубила воду, отметив про себя, что в этом доме никто не делал вид, будто детей не существует, их не прятали в дальних покоях на верхних этажах до совершеннолетия и не стыдились их.

Когда обед подошёл к концу, гости медленно потянулись в большую гостиную. Мужчины сгрудились у окна, где Харди уже расстилал какую-то новую карту береговой линии, а Кларенс на минуту задерживался у буфета, наливая себе порто. Улучив момент, когда миссис Джордан отвлеклась на леди Кавендиш, я отошла к высокому камину в углу столовой.

Герцог заметил моё уединение. Он не спеша пересёк комнату, тяжело ступая по ковру, и остановился рядом, пристроив локоть на мраморную полку. Огонь бросал на его обветренное лицо резкие, колеблющиеся тени. Маска весёлого выпивохи слетела с него мгновенно, уступив место хватке опытного дельца.

— Я подписал новый контракт с Адмиралтейством, леди Сандерс, — негромко произнёс он, глядя на тлеющие угли. — Если потребуется моя помощь на производстве, сообщите. Миссис Хэнкок в прошлую нашу встречу обмолвилась,

что поставщики овощей снова стали подсовывать в Сауторк какую-то гниль. Вам нужна моя поддержка, чтобы приструнить этих прохвостов?

— Пока нет, Ваше Высочество, спасибо, — я качнула головой. — Мы уже поменяли поставщика. Но если вы убедите Бейса увеличить нам процент по флотским паям, мы оба окажемся в весьма приятном плюсе.

Кларенс одобрительно хмыкнул, пригубив порто.

— С Бейсом я переговорю, это решаемо. Кстати, лорд Хейс предлагает отправить пробную партию наших сушёных наборов с ноябрьским конвоем на Мальту. Нашему гарнизону в Валлетте сейчас приходится несладко — с провиантом на острове туго, цинга косит парней быстрее, чем испанские пули. Я не против.

— Если вы не против, то я тоже, — ответила я. — Для нашего производства это будет лучшей рекламой перед весенней кампанией.

— Отлично. И ещё кое-что, — Кларенс задумчиво постукал пальцами по бокалу. — На днях ко мне подходил граф Воронцов. Его дочь посещала наше производство в Сауторке и осталась под впечатлением. Теперь граф просил показать ему конечный продукт. Я не стал отказываться. Англии сейчас нужны союзники, особенно теперь, когда мы вот-вот подпишем мирное соглашение в Амьене. Нам нужно укрепить дружбу с Петербургом.

Слушая герцога, я внимательно смотрела на него и

невольню подумала, что похоже, Мэйфэр совершал огромную ошибку, списывая этого принца со счетов как взбалмошного и недалёкого матроса. За его шумной эксцентрикой и домашним сюртуком скрывался поразительно практичный, трезвый ум государственного мужа, который, по всей видимости, понимал цену союзов и взаимных обязательств, пожалуй, не хуже многих министерских чиновников. Он просто позволял свету обманываться, расплачиваясь шутовской ролью за право на свою тихую жизнь в Буши.

— Хавершем, значит, — прервал мои мысли герцог, неожиданно сменив тему.

— Вы тоже считаете это решение безумием, Ваше Высочество? Свет, судя по всему, уже вынес свой вердикт.

— Напротив, леди Сандерс. Безумцы обычно женятся по любви, растрачивая остатки состояний и ума на мимолётные вздохи. А то, что делаете вы — это политика. Люди почему-то упорно считают, будто высокий титул и положение дают человеку свободу. Глупцы. Обычно они дают лишь ворох тяжёлых обязанностей и целую свору желающих этими обязанностями воспользоваться в своих интересах.

— В таком случае вы должны прекрасно понимать мой выбор, — ответила я, выдерживая его прямой взгляд. — Стать графиней Хавершем — это не прихоть.

— Прекрасно понимаю, — Кларенс сделал глоток из своего бокала. — Но будьте осторожны, Катрин. Подобные сделки имеют одну крайне неприятную привычку.

— Какую же?

— Со временем они становятся настоящей жизнью, — принц едва заметно, горько усмехнулся. — Вы строите стены, рассчитывая укрыться за ними от интриг Мэйфэр, но однажды просыпаетесь и понимаете, что эти стены — ваш единственный дом, а человек, с которым вы подписали контракт, теперь делит с вами и стол, и кров. Впрочем... старик Хавершем стоит сотни тех столичных бездельников, что вьются вокруг вашего капитала. По крайней мере, у него железный хребет.

Я промолчала, обдумывая его слова, а Кларенс уже снова надел свою привычную маску. Он шумно выдохнул, повернулся к вошедшему в столовую Харди и громогласно поинтересовался, какого чёрта Адмиралтейство опять тянет с выдачей патентов.

Разговор тем временем в гостиной тёк по привычному кругу, переходя от флотских паёв к норфолкской погоде и скачкам. Огонь в камине осел, подёрнувшись седой золой. К девяти часам я стала собираться — туман сгущался, и медлить с обратной дорогой было бы опасно.

Когда я уже стояла в дверях, накидывая на плечи подбитый мехом редингот, ко мне подошла миссис Джордан.

— Вам уже начали давать советы, леди Сандерс? — с лукавой усмешкой спросила Дороти.

— С утра до вечера, — со вздохом призналась я, вспомнив двухчасовой визит леди Уилкс и её бесконечные свадеб-

ные списки. — Кажется, каждый в Сити точно знает, как мне следует обустроить мою будущую жизнь.

— В таком случае я вас искренне поздравляю, — Дороти сжала мои пальцы. — Вас наконец-то приняли в общество.

Я удивлённо приподняла брови, глядя на неё:

— Вот как? А я, признаться, наивно полагала, что это произошло гораздо раньше. Скандал с разводом и флотские контракты, казалось, открыли эти двери.

— Нет, — Джордан покачала головой, и её лицо на миг стало серьёзным. — Раньше вас просто обсуждали. Смаковали подробности, выискивали слабости, ждали, когда вы оступитесь. А теперь, когда вы забираете себе имя Хавершема, они считают вас своей. Своих принято поучать, леди Сандерс, но своих же они будут защищать до последней возможности, пока речь не пойдёт о цене их собственной безопасности. Помните об этом.

Я поблагодарила её за эти слова, в них было куда больше подлинного понимания светской механики, чем во всех наставлениях графини Уэстморленд.

Попрощавшись с хозяевами, я вышла на крыльцо. Мой экипаж уже ждал у подъездного круга. Норт, стоявший у дверцы, замер с привычным каменным видом, готовый захлопнуть её, как только я сяду. Но едва я успела устроиться на кожаном сиденье, кутаясь в редингот, как у самой дверцы бесшумно выросла темная фигура. Форд коротко кивнул Норту, легко поднялся по подножке и, скользнув внутрь,

опустился на сиденье напротив.

За весь вечер в гостиной мы с Фордом обмолвились лишь парой незначительных, дежурных фраз, как и полагалось едва знакомым людям. И сейчас его внезапное появление встревожило меня, но я не выдала своего волнения ни единым жестом и перехватив инициативу, заговорила первой:

— Спасибо за подарок, мистер Форд. Но, боюсь, в Холтон-парке он бы мне не помог стрелять в ни в чём не повинное животное я бы точно не стала.

— Тот шип предназначался не для вас, — ответил он и растянув губы в подобие улыбки, добавил. — Зачем кому-то избавляться от леди, о капитале которой так усердно заботятся?

— Вы уверены? Та каурая на ней должна была ехать я.

— Лошадь всего лишь досадное совпадение, — Форд качнул головой, нахмурившись.

— Значит, мне просто повезло, — с сарказмом отозвалась я.

— Да... — Форд помолчал, разглядывая тёмное сукно своего рукава. — Должен признать, мне любопытно. Судя по тому, что в старом крыле так и не случилось скандала, моё предостережение вы поняли верно. Однако я до сих пор не представляю, каким образом вам удалось справиться с тем, что было для вас приготовлено в том доме.

— Вам ещё не доложили? Я предполагала, у вас везде есть свои люди.

— Зачем везде? — с деланным удивлением возразил он.

— Достаточно, чтобы свой человек был у некой особы, которую охотно приглашают во все гостиные Мэйфэр.

— Значит, вы отлично знаете, что её якобы нетерпеливое отношение в адрес одного известного лорда всего лишь игра, — я прищурилась, вспомнив, как слаженно графиня Уэстморленд и Ярмут разыгрывали взаимное отчуждение. — Кажется, на самом деле они весьма дружны и преследуют общие цели.

— Я рад, что теперь у вас нет иллюзий на этот счёт.

— Хм... иллюзий у меня и не было, — с улыбкой произнесла я и чуть помедлив, продолжила. — Зеркальце, мистер Форд обычное женское зеркальце бывает весьма коварно. Серебряная оправа, тяжёлая литая рукоять... Оно может случайно ранить. И о подобном конфузе ни один мужчина никогда не станет хвастаться в Сент-Джеймских клубах.

Форд коротко хмыкнул, а на его обычно бесстрастном лице всего лишь на секунду мелькнуло изумление. Откинувшись на спинку сиденья, он равнодушно протянул:

— Полагаю, ваш незванный гость очнулся в собственной кровати?

— Он был так пьян, что просто не смог до неё добраться и рухнул у ее изножья, — отозвалась я. — Ваш подарок вернуть?

— Нет, оставьте себе. Возможно, он вам ещё пригодится. Хотя должен признать... к решению вопроса вы подошли

весьма основательно.

Форд помолчал секунду. Когда он заговорил снова, его голос стал тише, но звучал поразительно внятно в замкнутом пространстве кареты:

— Вы становитесь ещё более влиятельной, леди Сандерс. И далеко не всем в Уайтхолле это нравится.

— Моему будущему мужу есть чего опасаться? — прямо спросила я.

— Вам, — отрезал он, — не о чём беспокоиться. Граф Хавершем вовсе не так прост, как принято думать.

Лицо Форда в полумраке фонаря оставалось абсолютно непроницаемым.

— Просто многие, — добавил он совсем тихо, берясь за ручку дверцы, — слишком поздно это понимают.

— А вы, мистер Форд? — я подалась чуть вперёд, заставив его встретиться со мной взглядом. — Зачем всё это?

— Я всё ещё рассчитываю заслужить ваше доверие, леди Сандерс.

Я промолчала, переваривая этот ответ, а Форд уже толкнул дверцу. Сырая, холодная лондонская мгла тут же ворвалась в салон, вытесняя остатки тепла. Он быстро спустился на землю, обернулся и бросил Норту короткое: «Трогай».

Норт глухо прикрикнул на лошадей. Карета наконец качнулась и двинулась от крыльца Буши-хауса, увозя меня в темноту, а высокая фигура Форда мгновенно растворилась в молочной мути тумана.

Глава 5

— Если поставщики хлопка снова поднимут цену хотя бы на три пенса за дюжину фунтов, нам проще будет остановить часть станков в Кенте и распустить людей, — Эдвард с глухим стуком опустил на полированную поверхность стола папку с бумагами.

— На три пенса они цену не поднимут, Эдвард, — произнесла я, перелистывая страницу. — Перекупщики прижимисты, но не настолько глупы. Они знают: если начнут заламывать цену, я переведу закупки через других посредников, а контракты Адмиралтейства уйдут вместе с ними. Так что подписывай соглашение на прежних условиях. Уступят.

Брат коротко хмыкнул, покачал головой и размашисто вывел свою подпись внизу договора.

Эдвард заметно изменился за эти месяцы. Из провинциального кентского сквайра он превратился в крупного лондонского поставщика. Прежняя провинциальная нерешительность уступила место хватке, свойственной людям, которые изо дня в день имеют дело с Адмиралтейством и крупными суммами. В его движениях появилось больше жесткости, хотя взгляд оставался всё тем же — прямым и открытым.

Едва последняя ведомость была отложена в сторону, Эдвард откинулся на спинку кресла. Его лицо утратило деловитость.

вую сосредоточенность, уступив место задумчивости и, до сих пор неулегшемуся недоумению.

— Значит графиня Хавершем Когда Агнес прочитала об этом в «Морнинг Пост», она чуть чай не пролила на скатерть. Это правда? Свадьба действительно назначена на середину декабря?

— На двадцатое число, — ответила я.

До двадцатого декабря оставалось меньше трёх недель. Ноябрь уже подошёл к концу, и за эти две недели безумной подготовки к свадьбе я вымоталась больше, чем за всё время работы в Сауторке и все самые унылые приёмы Мэйфэр вместе взятые.

И это при том, что основную часть забот великодушно взяла на себя леди Уилкс! Она развила такую кипучую деятельность, что перед ней трепетали лучшие модистки и ювелиры Бонд-стрит. Каждое моё утро теперь начиналось не с просмотра отчетов производства, а с визитов портных. Меня часами заставляли стоять неподвижно, пока вокруг копошились две французские швеи, обкалывая булавками бесконечные ярды тяжёлого белого атласа, брюссельских кружев и лионского шёлка.

Подвенечное платье леди Сандерс, будущей графини Хавершем, должно было стать манифестом. Оно обязано было заявить всему Мэйфэр, что невеста не просто богата, но и обладает безупречным, недостижимым для критики вкусом. Затем следовали бесконечные обсуждения меню, рассылки

эмбарго на сплетни и, конечно, составление списков гостей — настоящая штабная игра, сравнимая по сложности с планированием осады крепости.

— Катрин, ты меня вообще слышишь? — голос Эдварда вернул меня из сонного оцепенения предсвадебной суеты обратно в кабинет.

— Да, прости. Задумалась, — я заставила себя сфокусировать взгляд на его лице. — Подготовка отнимает слишком много времени. Ты хотел рассказать про матушку?

Эдвард негромко кашлянул, и по его лицу скользнула тень явной неохоты — было видно, что возвращаться от понятных цифр к домашним неурядицам ему не хотелось.

— Да. Матушка всё-таки преуспела. Она уговорила мужа Лидии, отправить её из их северного гнезда на юг, к ней в Кент. Настаивала, что в её нынешнем нежном положении северные сквозняки и холод просто погубят дитя.

Я слегка приподняла бровь. Известие о том, что Лидия в положении, полученное от Эдварда ещё летом, до сих пор казалось мне лучшим залогом её невмешательства в лондонские дела. На севере ей было просто некогда строить козни, но теперь, когда она возвращалась под крыло матери...

— И в каком же они расположении духа? — осведомилась я.

— Они в ярости, Катрин. Мягко говоря, — Эдвард сокрушённо вздохнул. — Когда до нас докатились вести о том, что ты скоро станешь графиней, а официального приглашения

на свадьбу они от тебя так и не получили, там случился настоящий скандал. Лидия извела всех своими капризами, а матушка шлёт мне письма чуть ли не с каждым почтовым дилижансом. Они обижены и оскорблены тем, что ты до сих пор не прислала приглашения.

— В таком случае, им придется примириться с этой обидой, Эдвард, — произнесла я. — Я не пришлю им приглашения. Ни Лидии, ни её мужу, ни матушке. Лорд Хавершем и леди Уилкс составляют список гостей с особой тщательностью, и я не допущу, чтобы на венчании присутствовали люди, способные скомпрометировать меня перед Мэйфэр своим поведением. Приглашения будут выписаны только на твоё имя и на имя Агнес. Больше никого из нашей семьи там не будет.

Эдвард замер, растерянно глядя на меня. Он открыл было рот, явно собираясь напомнить о приличиях, о долге, о том, что свет станет шептаться из-за отсутствия матери невесты... Но, встретив мой непреклонный взгляд, лишь тяжело вздохнул.

— Понимаю, Катрин... — протянул он тихо. — Но матушка изведёт меня своими стенаниями, а Лидия не упустит ни единого шанса уколоть Агнес при встрече. В Кенте житья от них не будет.

Брат нахмурился, и в его голосе проступила жесткость хозяина дома:

— Впрочем, долго я это терпеть не стану. Лидии полезно

посидеть в четырех стенах на своем севере, а если матушка не уймет свой нрав, мне придется на время отказать им обоим в гостеприимстве в Морган-холле. В конце концов, содержание матушке выплачиваю я, и если она не понимает намеков, я просто урежу ей годовые выплаты. Пора положить конец этим вечным капризам.

Высказавшись, он потянулся к карману своего сюртука, достал небольшую, потемневшую от времени глиняную трубку отца и кисет из козлиной кожи. Ловкими, привычными движениями набил табачную чашечку, достал из каминной коробки щепу, разжёл её от догорающего в топке полена и затаился.

Я невольно улыбнулась, глядя, как над его головой закружились первые сизые струйки дыма. По кабинету мгновенно растёкся густой, немного сладковатый аромат с отчётливыми нотками сушёных фруктов и чернослива.

— Ты совсем как отец, — мягко произнесла я, а перед глазами невольно всплыла картинка из прошлого: отец сидит на нижней ступеньке веранды в Морган-холле с этой самой трубкой. В такие минуты он никого к себе не подпускал, кроме Катрин, — не из особой нежности, а просто потому, что она умела молчать и, в отличие от Лидии, не мешала ему думать своей пустой болтовнёй.

— Да, старая добрая вирджинская смесь, — брат выпустил изо рта плотное колечко дыма. — Отец всегда заказывал этот сорт у одного и того же торговца на Стрэнде. Сей-

час многие перешли на эти новые крепкие смеси, будто чем сильнее дерёт горло, тем солиднее выглядит джентльмен.

Я рассеянно кивнула. Память мгновенно подкинула воспоминание двухнедельной давности: Буши-хаус, приём у Кларенса, и этот мягкий вирджинский аромат с отчётливой фруктовой нотой, тянувшийся из чуть приоткрытой двери малой гостиной. Уже позже, в парадных залах, мужчины дымили тяжёлыми смесями, от которых действительно першило в горле. Эдвард был прав, большинство джентльменов из моего окружения, и лорд Гренвиль в том числе, предпочитали горький табак. И только один из моих лондонских знакомых выбирал тот же сорт, что и брат. Лорд Ярмут.

Конечно, это ничего не значило. Вирджинский табак не был редкостью, и у Кларенса мог курить кто угодно. Но память почему-то зацепилась за это мимолётное несоответствие и теперь не желала отпускать. Что это было? Простое совпадение? Или чей-то визит прямо перед началом приёма, о котором посторонним знать не полагалось?

Я резко тряхнула головой, прогоняя наваждение. *«Похожу, я слишком долго вращаюсь среди людей, которые ничего не делают без умысла, и начинаю видеть заговоры там, где их нет».*

— Катрин? — голос брата заставил меня вздрогнуть. — Ты притихла. Задумалась о Лидии и матушке? Не бери в голову, я сам с ними разберусь.

— Мне жаль, что я поставила тебя в столь неудобное поло-

жение, но менять свое решение не буду, — я перевела взгляд на стол, возвращаясь к реальности. — Что ж нам осталось подписать последние две накладные, и дела на сегодня будут улажены.

— Да, да, конечно, — брат поспешно отложил трубку, придвинул к себе чернильницу и размашисто поставил подпись.

Сложив свои экземпляры бумаг в дорожный несессер, он поднялся со стула и обнял меня за плечи.

— Береги себя, Катрин.

— Доброй дороги, Эдвард, — улыбнулась я.

Брат ободряюще кивнул и вышел. Однако едва за ним закрылась входная дверь, в приёмной послышался шорох, и на пороге кабинета появился Финч с кожаной папкой в руках.

— Миледи, — Финч отвесил поклон, закрывая за собой дверь. — У меня есть известия, которых вы ожидали. По поводу дела мисс Дэй... точнее, леди Шарлотты Фрейзер.

— Вам удалось отыскать Кеннета Фрейзера?

— К несчастью, кузен из Мадраса скончался от болотной лихорадки ещё в июне, — ответил Финч, раскрывая папку. — Известия не успели дойти до Шотландии. Однако, изучив архивные записи Ост-Индской компании, я наткнулся на след другого родственника по отцовской линии. Кузен Кит, которого мисс Фрейзер тщетно искала в Лондоне. Его полное имя — Кристофер Фрейзер.

— И где же этот господин скрывается?

— В Баварии, миледи. В Мюнхене. Он ведёт весьма успешные дела, управляя торговыми операциями и вексельными переводами между немецкими банкирскими домами и Сити. Я отправил ему подробное извещение о бедственном положении тётки и кузины, а также о действиях сэра Уолтера Крейна. Сегодня утром прибыл ответ. Мистер Кристофер Фрейзер глубоко возмущён. Он уже распорядился перевести необходимый капитал в лондонский банк для покрытия самых спешных долгов покойного барона Фрейзера. Более того, он спешно улаживает текущие дела в Германии и написал, что прибудет в Лондон в течение ближайших трёх недель, чтобы лично забрать Шарлотту и её матушку под свою опеку.

— Вы уверены в благонадежности этого мистера Фрейзера, мистер Финч? Насколько он джентльмен в своих обязательствах?

— Я навел справки через банкиров, миледи. Репутация мистера Фрейзера в Сити безупречна. Его слову верят на слово, а его векселя принимаются без промедления. В его порядочности сомневаться не приходится.

— Что ж, это прекрасные новости. Передайте письмо Шарлотте, пусть прочитает сама Признаться, мне жаль терять столь отличного секретаря, но я искренне рада, что их невзгоды позади. И все же, Финч, приглядывайте за ними первое время.

— Будет исполнено, миледи, — стряпчий сделал пометку в своей книжке, но закрывать папку не спешил. Он выжида-

тельно посмотрел на меня, словно безмолвно спрашивая, к какому из скопившихся дел мы перейдем теперь, когда судьба мисс Фрейзер устроена.

— А теперь перейдем к более масштабным задачам, мистер Финч, — объявила я. — Мы начинаем подготовку к строительству завода по переработке сахарной свеклы. Для этого мне нужен человек, который умеет строить большие производственные здания с расчетом нагрузок от тяжелых машин и паровой тягой. Ему предстоит спроектировать здание под огромные чаны, котлы и сложную систему вентиляции.

Я коротко постучала пальцами по папке:

— Найдите мне человека, который возводил текстильные фабрики или крупные пивоварни в Сити. Главное — подвижный ум и готовность работать по моим чертежам, какими бы безумными они ни казались.

— Я наведу справки в Обществе гражданских инженеров, миледи. Пару лет назад один из моих клиентов имел дело с толковыми строителями, которые ставили прядильные мануфактуры.

— Давайте начнём с них. Работа предстоит огромная, в идеале завершить строительство к следующей осени.

— Будет исполнено, миледи, — Финч поклонился, закрыл папку и бесшумно вышел.

Оставшись одна, я устало опустилась в кресло и выдвинула ящик стола. На свет появилась плотная папка с расчетами,

схемами и рисунками — записями, которые любой здешний обыватель принял бы за бред сумасшедшего.

Я собирала их по крупицам, шаг за шагом, с тех самых пор, как Хэнкок, ругаясь, выбрасывал из мешка с овощами кормовую свеклу.

Сам технологический процесс я знала досконально. Последовательность операций, выверенная двумя веками промышленного опыта. Свеклу моют, режут в стружку, заливают горячей водой. Полученный сок — мутный, с резким привкусом земли — в таком виде никуда не годится. Его нужно очистить известковым молоком, отфильтровать через костяной уголь, а затем выпарить, сгустить в сироп и пустить в центрифугу.

На рисунке центрифуги я споткнулась и поморщилась.

Именно здесь всё и упиралось в тупик. Оборудование, которое я видела мысленно во всех деталях и размерах, в этом веке просто не существовало. Центробежные сепараторы, вакуумные выпарные аппараты, диффузоры непрерывной подачи — все это изобретут лишь через полвека.

Да, паровые машины «Уатта и Болтона» уже выпускались, их можно заказать. Но обычный привод и паровой котел с регулируемым давлением — две огромные разницы. Между ними лежала пропасть в уровне металлообработки, точности литья и понимании нагрузок.

Я взяла следующий лист со схемой завода: приёмный цех, моечная, линия резки, диффузионные батареи, очист-

ные ёмкости, выпарная станция, кристаллизаторы, сушильня и склад. Всё следовало расположить так, чтобы сок шел самотёком — сверху вниз, от сырья к готовому продукту, без лишних перекачек насосами. Значит, здание нужно многоэтажное, с чугунными перекрытиями.

Впрочем, чугунный каркас в Англии строить уже научились — это я мимоходом выяснила на одном из светских раутов. Хоть какая-то польза от пустой болтовни в салонах.

Я придвинула чистый лист и набросала краткий баланс.

Что есть сейчас: Паровые машины — заказываем у Уатта. Чугунное литьё — Бирмингем и Шеффилд. Кристаллизация сахара из сиропа — технология давно отработана на плантациях Ямайки.

Что нужно создать: Диффузионную батарею — последовательные ёмкости с противоточной подачей стружки. По сути, те же солодовые чаны, только сложнее. Объяснить местным мастерам реально. Выпарной аппарат с закрытым паровым обогревом, чтобы сок не подгорал. Тут понадобится котельщик, умеющий держать герметичность под давлением.

И главное препятствие — центрифуга. Барабан с перфорацией, вращающийся на огромной скорости, чтобы отделить кристаллы от патоки. Ничего подобного в Англии нет. Придется объяснять принцип через механику шерстоотжимных машин на суконных фабриках, но требовать совершенно иной точности исполнения.

Отложив перо, я устало потеряла переносицу.

Проблема была не в деньгах и не в земле. Мне нужен был человек, способный создать то, чего еще никто не делал. Строитель мануфактур справится со зданием. Котельщик с пивоварни сварит чаны. Но центрифугу придется изобретать с нуля. Тут нужен не просто инженер, а изобретатель с редким складом ума, который видит задачу раньше, чем препятствия к ней.

И я точно знаю, что такие люди есть, просто их нужно найти.

Сложив листы обратно в папку, я завязала бечёвку и убрала всё в ящик. Хватит на сегодня. Теперь, когда контуры будущей сахарной империи начали обретать реальные очертания, следовало возвращаться к реальности Мэйфэра. Часы неумолимо отсчитывали минуты до начала светского раута.

Сегодняшний вечер обещал быть непростым. Нам с графом Хавершемом предстояло официально предстать перед всем Мэйфэр на приёме у лорда Кавендиша как обручённая пара.

В покоях меня уже дожидалась Джейн. Для этого выхода было выбрано зеленое бархатное платье — его глубокий, почти малахитовый оттенок выгодно отличался от светлых девичьих муслинов и придавал облику нужную весомость. Горничная безупречно уложила мои волосы, и едва я бросила последний взгляд в зеркало, оценивая получившийся образ, как внизу у ворот послышался стук копыт.

Когда я спустилась, карета уже ждала у крыльца, а сам Ха-

вершем стоял у открытой дверцы. Дик, шедший следом за мной, проигнорировал тяжелый взгляд графа и без тени сомнения направился напрямик к козлам. Проследив за этой дерзостью, Хавершем лишь коротко хмыкнул, но промолчал. Повернувшись ко мне, он протянул руку, помогая подняться внутрь экипажа. После чего граф устроился на сиденье напротив. Короткий стук его трости в стенку — и карета плавно покатила по мокрой мостовой...

Залы особняка лорда Кавендиша на Гросвенор-сквер сияли удушливым великолепием, от которого в последние недели у меня всё чаще начинала болеть голова. Сотни восковых свечей в хрустальных люстрах изливали жар на открытые плечи, струящиеся муслиновые платья и мужские фраки. Воздух, пропитанный ароматами дорогой пудры, эссенции дикой розы и горьким табачным дымом, казался осязаемым и густым.

Я шла под руку с графом Хавершемом, чувствуя, как взгляды присутствующих скрещиваются на нас, точно шпаги на дуэли. Светский курятник Мэйфэр замер в изысканном поклоне, но в шорохе вееров угадывалось едва скрываемое шипение. Разведенная виконтесса Сандерс, женщина со сложной репутацией и Саутуоркскими заводами за плечами, не просто выплыла со дна — она связывала свою жизнь с одним из самых опасных и непредсказуемых людей королевства.

— Держитесь превосходно, Катрин, — едва шевеля губа-

ми, негромко произнес Хавершем.

Его лицо, покрытое сеткой глубоких морщин, оставалось абсолютно непроницаемым, но в глазах плясали ироничные искорки. Граф, как и прочие приглашенные, был в безупречном черном фраке, однако сама его осанка и то, как инстинктивно расступалась перед ним толпа, говорили о его исключительном положении.

Я не успела ответить. Чуть левее, у анфилады, леди Олдридж в окружении своей неизменной свиты замерла при нашем появлении. Она проводила меня долгим взглядом и что-то процедила сквозь зубы, заставив своих дам согласно поджать губы.

Однако развить атаку им не дали. Возникшая прямо перед ними леди Уилкс на ходу вскинула лорнет и громко, на несколько футов вокруг, поинтересовалась, отчего леди Олдридж так пристально разглядывает чужие брачные союзы — уж не потому ли, что её собственный племянник до сих пор не может подыскать невесту, готовую оплатить его карточные долги в Клубе Уайтс? Кружок Олдридж мгновенно стушевался, а сама она поспешно отвернулась.

— Леди Уилкс пошла на таран, — тихо заметила я, слегка повернув голову. — Если не вмешаемся, завтра «Морнинг Пост» выйдет с некрологом леди Олдридж.

Хавершем глухо рассмеялся, и этот короткий смех старого хищника заставил замолчать стайку девиц на выданье, стоявших неподалеку у колонны.

— Пусть развлекается. Леди Уилкс — единственная женщина в Лондоне, способная разгромить кавалерию принца-регента, вооружившись лишь лорнетом и парой колких замечаний о качестве французских кружев.

У самой балюстрады дорогу нам преградила баронесса Бейн в сопровождении своего сына, молодого человека с мутными глазами и лицом цвета недоваренного картофеля.

— Леди Сандерс, какая неожиданность! — пропела она, прижав пухлую ладонь к груди. — Мы все так... поражены. Смелое решение выбрать столь глубокий зеленый цвет. Впрочем, для женщины, которая так часто бывает в порту среди матросов и прочего рабочего люда, практичные оттенки — это истинное спасение, не правда ли?

Я почувствовала, как напряглась рука Хавершема, но моя улыбка осталась безупречно вежливой.

— Вы чрезвычайно проницательны, баронесса, — ответила я. — На Саутуоркских причалах действительно ценится плотное сукно. Там люди привыкли иметь дело с настоящими вещами, а не с фальшью, которую маскируют избытком белил. Уверена, вашему сыну этот подход близок — его последний вексель, который вчера видели мои приказчики в Сити, оформлен на удивительно плохой бумаге.

Молодой человек подавился глотком шампанского, а баронесса мгновенно пошла пятнами под слоем румян.

— Милая баронесса, — лениво обронил граф, поправляя обшлаг фрака. — Не смею задерживать вас. Наслаждайтесь

ужином. Говорят, сегодня Кавендиш подает фазанов под соусом, который так же тонок, как и репутация его карточного стола. Вам должно понравиться.

Мы двинулись дальше, оставив их позади. Каждые несколько шагов мне приходилось приседать в безупречном реверансе, подставляя щеку для дежурных поцелуев старых матрон и слушать бесконечные поздравления, в которых медовой фальши было больше, чем сахара в свадебном пироге.

У галереи, ведущей к зимнему саду, нас настиг лорд Кингстон — один из тех тыловых полковников, чья храбрость проявлялась исключительно после третьей бутылки кларета.

— Милорд! — громыхнул он, бесцеремонно преграждая путь. — Поздравляю. Редкая удача. В наши дни встретить женщину, которая понимает в армейских поставках провизанта больше, чем в бальных танцах, — это... практично. Казна вашего рода теперь в надежных руках. Хотя, признаться, мы в клубе Уайтс гадали, не пахнут ли брачные контракты в Саутуорке кислым элем и угольной копотью?

Вокруг нас образовался мгновенный вакуум — свет затаил дыхание в ожидании скандала. Я раскрыла веер, собираясь ответить, но Хавершем остановил меня, едва заметным движением руки плотнее прижав мою ладонь к своему боку.

— Кингстон, — произнес граф с мягкостью, от которой у знающих людей обычно холодеет внутри. — Ваши суждения о запахах всегда восхищали меня непосредственностью. Человек, который провел всю кампанию девяносто девятого

года на интендантских складах Портсмута, безусловно, главный эксперт по портовой грязи в этом королевстве. Что же касается брачных контрактов и Саутуорка — не беспокойтесь. Каким бы элем там ни пахло, у моей будущей супруги достаточно золота, чтобы в день свадьбы выкупить у банкиров все ваши карточные долги.

Кингстон сглотнул, его багровое лицо вытянулось, и он поспешно отступил назад, едва не сбив поднос у лакея.

Губы сами собой тронула улыбка — этот тандем приносил мне искреннее удовольствие. Граф жестко и уверенно защищал свое, и способность понимать друг друга без слов определенно подкупала. Мэйфэр получил наглядный урок: подходить к нам близко опасно для кошелька и репутации.

Скользнув взглядом по зале, среди пестрой толпы я заметила Гренвиля. Он стоял у окна и рассеянно вертел в пальцах пустой бокал. Стоило моему взгляду пересечься с его, как Гренвиль приветливо улыбнулся и поспешил в нашу сторону. Это было неожиданно: последние две недели он либо вовсе не принимал приглашений на приёмы, где могла появиться я, либо наши встречи оказывались настолько коротки и сдержанны, что это приводило в истинный восторг леди Эстер.

— Леди Сандерс. Милорд, — Гренвиль наклонил голову, приветствуя нас обоих. — Примите мои искренние поздравления. Известие о вашем грядущем союзе стало самым обсуждаемым событием этого месяца.

— Благодарю, лорд Гренвиль, — ответила я, удерживая легкую улыбку и отвечая от имени нас обоих. — Признаться, мы с графом уж было решили, что вы совершенно позабыли дорогу в свет, столь редким гостем вы стали в последние недели.

Гренвиль едва заметно сузил глаза. Светский упрек в его долгом отсутствии был разделен на двоих, но он прекрасно понял, кто именно считал дни его отчуждения.

— Некоторые дела требуют уединения, миледи. Иной раз благоразумнее сознательно держаться на расстоянии от привычного круга, дабы не привлекать к добрым знакомым лишнего и порой обременительного внимания. Но удержаться от личных поздравлений сегодня я не мог.

Он перевел взгляд на моего спутника:

— Граф, вам досталась женщина редкой проницательности, чьи суждения порой заслуживают самого пристального внимания. Берегите её. Лондон — опасный город для тех, кто привык судить о вещах слишком прямо.

— Я осведомлен о талантах своей невесты, лорд Гренвиль. И уверяю вас, у меня достаточно сил, чтобы защитить ее от любых опасностей. С чьей бы стороны они ни исходили.

— Не сомневаюсь, граф, — ответил он. — Рад был видеть вас в добром здравии, леди Сандерс. Прошу меня извинить, дела не ждут. Доброго вечера.

Он коротко поклонился нам обоим и плавно повернулся, возвращаясь к толпе у карточных столов.

— Катрин? — Хавершем слегка прижал мою ладонь к своему рукаву и усмехнулся. — Что скажете? Пройдемся еще раз возле галереи? Предлагаю сполна насладиться ядом и завистью столичных чистоплюев, сегодня мало кто рад нашему союзу, так зачем отказывать себе в удовольствии посмотреть на их лица? А как только вам наскучит это развлечение, мы в любую минуту уедем.

— Прекрасный план, Артур, — я впервые назвала его по имени, и это вышло на удивление непринужденно и естественно. — Лишать себя такого зрелища было бы упущением.

— В таком случае, — граф довольно оскалился, увлекая меня в сторону графини Уэстморленд, — не будем медлить. Но как только вам наскучит это общество, я прикажу подать карету. В конце концов, будущей графине дозволено иметь свои маленькие капризы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.